Истребительница вампиров

Автор:
Кирстен Уайт

Истребительница вампиров

Кирстен Уайт

Истребительница вампиров #1

Нина и ее сестра-близнец Артемида – не совсем обычные подростки. Сложно оставаться «обычными», если вы выросли при Совете Наблюдателей и посещали занятия, мало напоминающие уроки в средней школе. Миссия Наблюдателей – наставлять Истребительниц, девушек с магической способностью сражаться с темными силами. Только благодаря их неустанной работе обычные люди продолжают жить, даже не подозревая о существующей угрозе.

Нина знает, что однажды ей предстоит присоединиться к Совету Наблюдателей. Однако новый, неожиданный поворот судьбы круто меняет ее жизнь. Теперь ей ясно только одно: стать Избранной легко. Сделать выбор – гораздо труднее.

Кирстен Уайт

Истребительница вампиров

Text by Kiersten Brazier

Jacket illustration by Talexi

© К. Никишева, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Всем, кто не был избран, но избрал себя сам

Кому как не им было знать, что не стоит оставаться на кладбище, когда солнце зашло и над миром властвует ночь.

Охотница наблюдала за матерью – та, словно заземленный громоотвод, изливала горе в могилу, где было похоронено ее сердце. По обе стороны от матери стояли две девчушки в розовых ковбойских сапогах. Обе – тощие и бледные, их рыжие кудряшки поблекли в темноте. Тьма уравнивает всех. В темноте все одинаковы – бесцветные, безликие.

Беспомощные.

Охотница позаботится о том, чтобы такими они и оставались. В конце концов, это ее работа. Она обернулась к вампиру. В черном провале усыпальницы они сливались с окружающей тьмой.

– Женщина должна выжить. Дети твои.

На самом деле умереть следовало только одной из девочек, но мало ли какие лазейки могли найтись в пророчестве. Вампир неторопливо направился к скорбящей семье. Он не пытался спрятаться или красться – ему это и не требовалось. Одна из девочек быстро протянула руку к матери:

– Мама! Мама!

Женщина устало повернулась, но не успела даже удивиться, как вампир отбросил ее. Она отлетела назад, ударившись о гранитное надгробье мужа, и потеряла сознание. Высеченная надпись «МЕРРИК ДЖЕЙМИСОН-СМАЙТ: МУЖ, ОТЕЦ, НАБЛЮДАТЕЛЬ» маячила над ее головой. Охотница пожалела, что не может сделать фото – получился бы идеальный кадр.

– Здравствуйте, девочки! – вампир откровенно веселился. Охотница взглянула на часы. Пожалуй, стоило поручить это адской гончей или Ордену Тарака. Но они были ей не по карману, да и, честно говоря, дело того не стоило. Нет ничего сложного в том, чтобы убить пару детей. Вампира она выбрала еще и потому, что в этом была последовательность.

Вампир протянул руки, будто собирался обнять детей.

– Бегите, если хотите. Я не прочь размяться – помогает нагулять аппетит.

Вопреки ожиданиям никто не закричал. Девочки лишь печально переглянулись. Возможно, стоя на могиле отца, убитого вампиром, они чувствовали: так было предрешено.

Одна из девочек кивнула. Внезапно другая решительно бросилась под ноги вампиру, и тот упал навзничь, не удержав равновесия. И не успел он отпихнуть девочку, как другая уже запрыгнула ему на грудь.

А затем вампир исчез. Девочки стояли, отряхивая пыль с опрятных черных платьиц. Вторая девчушка спрятала кол за голенище яркого сапога. Они бросились к матери и начали хлопать ее по щекам, пока та не зашевелилась.

По крайней мере, матери хватило ума испугаться. Охотница раздраженно вздохнула, глядя, как мать притянула девочек к себе. Теперь все они настороженно вглядывались в темноту. Охотница до последнего надеялась, что ей не придется встречаться с ними лицом к лицу, но дело есть дело. Она вытащила арбалет. И тут зазвенел ее зуммер. Взгляд машинально скользнул вниз, а когда охотница подняла глаза, вся семья уже исчезла.

Она давала клятву. Ей ни в коем случае не следовало использовать вампира. Вот к чему привела ее любовь к эффектным сценам. Ей был отдан приказ по возможности оставить мать в живых, и она хотела, чтобы мать продолжила жить – одинокая, потерявшая все из-за жалкого монстра-полукровки. В наказание за то, что она пыталась обойти пророчество. В наказание за то, что из-за ее эгоистичных желаний на кону оказалась судьба всего мира.

Ну, что же. Охотница отыщет их снова. Натянув капюшон, она двинулась к ближайшей заправке. На телефон-автомат падал скудный свет. Охотница сняла

трубку и набрала номер, высветившийся на зуммере.

– Дело сделано?

– Нет, – ответила охотница.

– Ты меня разочаровала.

– Так накажи меня. – Нахмурившись, она повесила трубку и зашла в магазинчик на заправке. Она пока не сумела предотвратить конец света.

Так что ей срочно нужна была конфетка.

Глава 1

ХУДШАЯ ИЗ ВСЕХ ОТВРАТИТЕЛЬНЫХ ВЕЩЕЙ, которые совершают демоны, – это то, что они говорят на латыни, – а ведь ей следовало быть мертвым языком!

Не говоря уже о древнешумерском. А как насчет переводов с древнешумерского на латынь? Дьявол! Мой язык спотыкался на произношении, пока я слово за словом продиралась сквозь страницу. Когда-то мне нравилось проводить время в библиотеке в окружении трудов предыдущих поколений Наблюдателей. Но с самых недавних пор, когда едва не настал конец света, – шестьдесят два дня тому назад, если быть точной, – мне больше не сиделось на месте. Я ерзала. Стучала карандашом. Колотила ногой по полу. Мне хотелось пробежаться. Не знаю, почему в этот раз тревога проявлялась по-другому, ведь я пережила уже столько ужаса и трагедий. Мозг сверлила одна вероятная догадка, но….

– Чушь какая-то. – Я уставилась на собственные записи. – «Затаившийся в тени восстанет, и мир пощекочет его?»

– Ненавижу щекотку – сказал Риз. Он откинулся назад и потянулся. Вьющиеся каштановые волосы нарушали строгость его лица. Прядь упала на лоб, смягчив жесткую линию бровей, повторявшую изгиб оправы его очков, – Риз постоянно пребывал в раздумьях или заботах. После утренних занятий я должна была

привести в порядок свой маленький врачебный пункт, а Риза ждала боевая тренировка с Артемидой.

Я встряхнула руками – мне просто необходимо было пошевелиться. Может, мне и впрямь стоило пробежаться. Никто не заметит моего отсутствия. Или, может, попроситься на занятие по боевым искусствам? Меня туда никогда не пускали, но я давным-давно не спрашивала. Почему-то очень хотелось что-нибудь ударить, и это меня пугало.

Быть может, все дело в демонических пророчествах о Судном дне, которые я читала все утро. Я зачеркнула свой бездарный перевод.

– Если речь идет о конце света, щекотка – не самый худший способ умереть.

Имоджин откашлялась, но мягкая улыбка смягчила серьезность ее слов:

– Давай вернемся к твоему переводу, Нина. Кстати, Риз, я хочу получить полный отчет о классификации полулюдей-полудемонов.

Риз, покраснев, пригнул голову. Он единственный среди нас мог стать полноправным Наблюдателем, и это означало, что однажды он присоединится к Совету. Однажды он будет облечен властью, войдет в состав Совета. Этот груз ответственности ощущался во всем, что он делал. Он раньше всех приходил в библиотеку и уходил позже всех. Тренировался он почти столько же, сколько Артемида.

Наблюдатели должны были наставлять Истребительниц – Избранных, которых наделили способностью сражаться с демонами, – но с течением веков наша роль становилась все более активной. Наблюдатели должны принимать трудные решения, а трудное решение порой означает оружие. Мечи. Заклинания. Ножи. Для моего отца – пистолет.

Но все же не все из нас тренировались. Хотя все мы серьезно относились к занятиям, от меня требовалось чуть меньше. Я всего лишь целитель в замке, и на шкале ценности мое место было где-то внизу. Забирать жизнь здесь важнее, чем суметь спасти ее. Но хоть я и медик, это не освобождает меня от курса Пророчеств судьбы 101. Я отпихнула подальше от себя латино-шумерский щекоточный апокалипсис.

– Имоджин, – заныла я, – можно мне что-нибудь полегче? Ну пожалуйста?

Она тяжело вздохнула. Имоджин не должна была стать учителем. Но наши настоящие учителя погибли при взрыве, и теперь у нас осталась только она. Каждое утро она выкраивает пару часов на обучение, а остальное время проводит с Малышами.

Она встала и отправилась на поиски к дальней полке шкафа, ее белокурый хвост вяло покачивался. Я сдержала ликующую улыбку. Имоджин добрее ко мне, чем к кому бы то ни было. Честно говоря, остальные ведут себя так же. Я стараюсь не злоупотреблять этим, но раз уж все относятся ко мне как к милому домашнему животному только потому, что не умею обращаться с ножом, – что ж, должна же я получить от этого какие-то льготы.

Полка перед Имоджин вообще-то относилась к разряду запретных, но поскольку Баффи-Истребительница в одиночку уничтожила нашу организацию практически целиком, пару месяцев назад разрушив всю магию на земле, это уже не имело значения. Книги, которые раньше представляли угрозу, например, вызывали одержимость демонами, помогали призвать богов ада или, скажем, могли нанести действительно глубокий порез бумагой, теперь стали так же безобидны, как и любая другая книга.

Вот только переводить их от этого легче не стало.

– Магия же по-прежнему разрушена? – спросила я у Имоджин, которая как раз водила пальцем по корешку книги, в XV веке уничтожившей полный зал Наблюдателей. Уже два месяца – ни капли магической энергии. Для организации, построенной на магии, это было нелегко. Меня не учили применять магию, но я очень здраво относилась к ней: с уважением и страхом. И было жутко наблюдать, как Имоджин обращается с этой книгой без особой почтительности.

– Батарейки сели, и никто не может подобрать нужные. – Риз нахмурился, не отрывая взгляд от текста, словно его оскорбил демон, о котором он читал. – Когда Баффи что-нибудь разрушает, у нее это выходит на пять с плюсом. Лично я думаю, что если бы мне довелось столкнуться с Семенем Чудес – источником магии на земле, подлинным мистическим чудом, – я по крайней мере изучил бы его. Провел исследование. Обдумал бы хорошенько все варианты. Должен же

был быть другой способ остановить конкретно этот конец света.

– Баффи видит, Баффи уничтожает, – пробормотала я. Ее имя в моих устах прозвучало почти как ругательство. Мы не произносим его вслух в нашей семье. Впрочем, нельзя сказать, что мы вообще часто что-либо произносим, разве что «Ты нигде не видела мой лучший кинжал?», или «Где наши запасы? Мне нужно вырезать кол», или «Привет, мои дочери-двойняшки, это я, ваша мама, и одну из вас я люблю больше, так что решила спасти ее первой, когда вы обе чуть не сгорели при пожаре».

Ну хорошо, последнее точно нет. Ведь, как я уже упоминала, мы вообще не особенно много говорим. Жить под одной крышей – звучит так уютно, если только речь не идет о крыше гигантского замка.

– Подумать только, сколько мы могли бы узнать, – продолжил стенать Риз, – если бы я мог провести всего час рядом с Семенем Чудес…

– В ее защиту напомню: мир был на пороге уничтожения, – сказала Имоджин.

– Не в ее защиту: это из-за нее мир там оказался, – возразила я. – И магии больше нет.

Имоджин пожала плечами:

– Исчезли адские врата и порталы. Демоны больше не заезжают к нам на каникулы и осмотр достопримечательностей.

Я фыркнула:

– Гастрономические туры в мир людей отменяются. Бедные демонические измерения. Конечно, это в свою очередь означает, что ни один из нынешних туристов не сможет вернуться к своим драгоценным родным адским безднам.

Риз нахмурился и, сняв очки, принялся их полировать.

– Вы шутите, а это провал и конец всех наших исследований, посвященных передвижению демонов, порталам, измерениям и адским вратам. Все это больше

не актуально. Даже если бы я хотел понять, как все изменилось, я бы не смог.

– Видишь? Баффи всем приносит только боль. Бедный Риз. Ни одной книги об этом.

Я потрепала его по голове. Имоджин бросила пухлый том на стол.

– И все же твоя домашняя работа до сих пор не выполнена. Посмотри здесь.

Облачко пыли вырвалось из книги. Вздрогнув, я прикрыла нос рукой.

Имоджин скривилась.

– Извини.

– Ничего страшного. У меня уже довольно давно не было приступов астмы.

Ничего страшного, вот только моя астма таинственным образом исчезла в тот самый день, когда Баффи уничтожила магию, едва не случился конец света, а я искупалась в слизи демона из другого измерения. Все в порядке. Демон тут совершенно ни при чем. С ним никак не связано мое внезапное желание бегать, или начать тренироваться, или в принципе сделать что-то со своим телом, а не просто притулиться где-то и читать, как обычно.

Рукавом свитера я аккуратно протерла кожаный переплет.

– «Откровение… эээ… Арктуриуса Дальновидного»? Кажется, этому чуваку просто нужны были очки посильнее.

Риз наклонился поближе, с любопытством вглядываясь в книгу.

– Я не читал этот том.

В его голосе отчетливо слышалась ревность.

Поля пестрели комментариями, почерк с течением веков менялся. На последних страницах виднелись оранжевые отпечатки, как будто кто-то листал и одновременно жевал «Читос». Предыдущие Наблюдатели оставляли свои примечания, комментируя и добавляя детали. Когда я видела их работу, меня захлестывало чувство ответственности. Не каждая шестнадцатилетняя девочка может проследить, как ее предки веками помогали Истребительницам, сражались с демонами и всячески спасали мир.

Я нашла разборчивую запись.

– А вы знали, что в 1910 году один из Мерриуэзерсов предотвратил восстание осьминогов? Демонический морской змей наделил их разумом, и они собирались свергнуть нас! Мерриуэзерс не особенно распространяется об этом. Похоже, они победили их… – Я прищурилась. – Лимон, масло. Кажется, это рецепт.

Имоджин постучала по книге.

– Просто переведи десять последних пророчеств, хорошо?

Я приступила к работе. Риз время от времени задавал вопросы Имоджин, и к концу занятий на его столе грудилась почти половина содержимого всех книжных полок. Раньше мы с Ризом не учились вместе. Он занимался вместе с другими будущими кандидатами в члены Совета. Теперь же нас осталось так мало, что от некоторых правил и церемоний пришлось отказаться. Не ото всех, конечно. Кто мы без традиций? Просто кучка чудаков, прячущихся в замке и изучающих вещи, о которых никто больше не хочет знать. Полагаю, правда, что и с традициями мы такие. Но все-таки во всем этом гораздо больше смысла, когда знаешь, что ты часть тысячелетней битвы против сил зла (и, очевидно, осьминогов).

Пускай Баффи и Истребительницы отвернулись от Наблюдателей, отвергнув наши советы и наставления, но мы-то не отвернулись от мира. Обычные люди продолжают жить, счастливые в своем незнании, благодаря нашей неустанной работе. И я горжусь этим. Даже если это означает, что я должна переводить глупые пророчества и даже если в последние годы я все больше и больше задумываюсь о том, всегда ли Наблюдатели и Истребительницы выбирали верный способ, чтобы бороться со злом.

Дверь библиотеки распахнулась, и вошла моя сестра-близнец Артемида. Глубоко вздохнув и нахмурившись, она прошла мимо меня к окну и дернула за ручку. Старинное окно заскрипело, не желая поддаваться, но Артемида, как всегда, победила. Затем она вытащила из кармана один из моих ингаляторов и положила на стол передо мной. В замке все работает благодаря Артемиде. Она воплощение сил природы. Грозных, но действенных сил.

– И тебе здравствуй, – улыбнулась я.

Она дернула меня за прядь. У нас обеих рыжие кудри, но её волосы всегда стянуты в строгий хвост. У меня куда больше времени на уход за кожей. Лицо Артемиды – словно зеркало, если бы зеркало отражало, какой я могла быть в другой жизни. Веснушки темнее – она очень много времени проводит снаружи. Серые глаза выразительнее, линия подбородка строже. Плечи более прямые, руки рельефнее, поза увереннее, и весь ее облик словно говорит: «Я уничтожу тебя, если придется». Короче говоря, из нас двоих Артемида – сильный близнец. Могучий близнец. Избранный близнец. А я… Я – та, кого бросили.

И я имею в виду не только тот пожар. То мгновение, когда моя мать вынуждена была спасти из ужасного пламени только одну из нас – и выбрала Артемиду, – определенно изменило нашу судьбу. Но даже после этого, даже после того, как мне удалось выжить, мама продолжала выбирать ее снова и снова. Артемида проходила испытание и тренировки. На Артемиду возложили ответственность, обязанности и ключевую роль в сообществе Наблюдателей. А я всегда обреталась где-то на задворках. Теперь от меня был некоторый толк, поскольку большинство из нас погибли. Артемида же всегда была важна. По правде говоря, я это понимаю. Я принадлежу к Наблюдателям по праву рождения, но Артемида заслуживает того, чтобы находиться здесь.

Усевшись рядом со мной, она вытащила записную книжку и открыла список задач на день. Листы заполнены убористым почерком, и перечень задач занимает по крайней мере две страницы. Никто в замке не работает больше, чем Артемида.

– Знаешь, – сказала она, – кажется, я ушибла Джейд.

Я оторвала взгляд от книги, которую почти закончила читать. Для всех остальных пророчеств на полях были оставлены пометки о том, как можно

предотвратить именно этот конец света. Я задумалась, что было не так с этим последним пророчеством. Арктуриус Дальновидный наконец-то раздобыл очки? Или конец света был настолько ужасным, что он не смог ничего узреть после? И ни одной пометки Наблюдателей. А Наблюдатели славятся своей дотошностью. Если никаких пометок нет, значит, этот конец света еще не предотвратили.

Но мои обязанности в замке были первоочередными.

– Когда ты говоришь, что, возможно, ушибла Джейд, это значит….

Артемида пожала плечами:

– Что так оно и есть.

Будто по сигналу, в комнату ворвалась Джейд. Она встряла с обвинением:

– Магии больше нет, но это не значит, что Артемида может обращаться со мной, как с боксерской грушей! И да, мой отец был оперативником, но я не хочу! Мой конек – магия, а не вот это!

– Артемиде нет в этом равных, – сказал Риз. В его тихом голосе не было ни малейшего осуждения, но мы все замерли. Это то, о чем мы никогда не говорим. Артемида – без сомнения лучшая, и при этом она всего лишь помощница, а все ставки сделаны на Риза.

Наблюдатели хороши в исследовании, в ведении учета и в скрытности. Вся наша организация – британская до мозга костей. Хотя вообще-то мы с Артемидой американки. До переезда сюда мы жили сначала в Калифорнии, а затем в Аризоне. Риз, Джейд и Имоджин выросли в Лондоне и до сих пор смеются, когда дождь застает меня врасплох. Мы уже восемь лет живем в Англии и Ирландии, но меня восхищают и дождь, и зелень, и отсутствие пустыни.

Джейд плюхнулась на стул по другую сторону от меня и положила лодыжку мне на колени. Я ощупала ногу, чтобы определить подвижность.

– Вот это слово значит «Истребительница», – заметила Артемида, глядя через мое плечо. Она зачеркнула мой неверный перевод «убийца». Не вижу разницы.

Джейд вскрикнула:

– Ой!

– Прости. Перелома нет, но есть небольшая опухоль. Скорее всего, легкое растяжение связок.

Я подняла глаза на Артемиду, и она отвела взгляд, снова угадав мои мысли. Она знала, что мне хотелось ей сказать: не стоит тренироваться так усердно. Ранить друг друга. И вместо того, чтобы снова заводить бесконечный спор, я указала на свой перевод:

– Как насчет этого слова?

– Защитница, – ответила Артемида.

– Это нечестно, – донесся голос Имоджин откуда-то из-за книжных полок.

– Никакого обмана! Мы все равно что один человек.

Никто не осудил меня за эту ложь. Артемида не должна была делать за меня домашнюю работу, у нее и так куча дел, но она всегда помогает молча, без вопросов. Мы всегда так работаем.

– От мамы что-нибудь слышно? – спросила я как можно более равнодушно, прощупывая почву этим вопросом еще аккуратнее, чем я ощупывала лодыжку Джейд.

– Никаких новостей со вторника. Но через пару дней она должна завершить разведку в Южной Америке.

Артемида полностью спланировала поисковую миссию нашей матери. С тех пор как она уехала – семь недель тому назад, – я не получила от нее ни строчки, но Артемида заслуживает регулярных отчетов.

– Ты можешь сосредоточиться? – недовольно спросила Джейд. Она была на задании в Шотландии, отслеживала похождения Баффи и ее легиона

Истребительниц. Нам это не помогло. Баффи почти вызвала конец света. Джейд вернулась в замок, не имея ни капли магической силы, и ее это бесило, о чем она не уставала нам напоминать. Постоянно.

– Риз, – обратилась я к нему, зная, что Артемиде ничего не стоило мне помочь, но ее список дел и так уже был переполнен, – ты не мог бы сходить в медпункт и принести примочку?

Риз поднялся. Он вовсе не обязан выполнять мои поручения, ведь он стоит куда выше, но дружба для него важнее иерархии. Он нравится мне больше всех в замке – после Артемиды. Правда, нельзя сказать, что вариантов особенно много. Риз, Джейд и Артемида – единственные подростки, кроме меня. Имоджин слегка за двадцать. Малыши, а их трое, еще не ходят в школу. И Совет – все четверо – не особо тянут на звание «лучший друг года».

– Где искать? – спросил Риз.

– Рядом с набором для наложения швов, следом за набором при сотрясениях.

Риз ушел. Медпункт – просто большая подсобка в противоположном крыле, которую я называю своей. А тренировочный зал, само собой, обустроен по последнему слову. Для нас важнее калечить, а не лечить. В ожидании Риза я приподняла лодыжку Джейд с помощью груды книг – раньше они были источником самой черной магии, которую только можно себе представить, а теперь превратились в пресс-папье.

В библиотеку влетел Джордж Смайт, самый юный из Малышей. Спрятав лицо в подоле юбки Имоджин, он принялся дергать ее за длинные рукава.

– Имо, пойдем играть!

Имоджин посадила его к себе на колени. В часы занятий за Малышами присматривает Руфь Забуто, но она стара как первородный грех и еще менее приятна. Неудивительно, что Джордж предпочитает Имоджин.

– Ты закончила? – спросила она.

Я радостно подняла свои записи.

– Получилось!

Дитя Истребительницы,

Дитя Наблюдателя,

Двое станут единым,

Единое разделится надвое,

Две девушки в огне,

Защитница и Охотница,

Одна исправит мир,

Другая разорвет на части.

Есть еще постскриптум. Кажется, Арктуриус не мог не прокомментировать свое мерзкое пророчество: «Когда всему придет конец, когда иссякнут надежда и чудеса, тьма в ней восстанет и сожрет все вокруг».

Имоджин расхохоталась:

– Поглотит, а не сожрет.

– В свою защиту скажу: я голодна. Остальное же верно?

Она кивнула.

– Но тебе помогли.

– Ну, хоть Артемида мне и помогла, это все равно бессмыслица. И ни одного рецепта, как приготовить кальмаров. – Я запихнула свой перевод обратно в книгу.

Риз как раз вернулся с примочкой, когда двое других Малышей ворвались в библиотеку и окружили Имоджин. Она самый занятой человек в замке за

исключением Артемиды, которая уже отправилась готовить обед для всех.

Порой я мечтала, чтобы моя сестра принадлежала мне так же, как всем остальным.

Риз как раз направлялся ко мне с аптечкой в руках, когда малыш Джордж бросился ему под ноги, и Риз споткнулся. Сверток вылетел у него из рук, и я, не раздумывая, бросилась вперед и подхватила аптечку в воздухе одной рукой – и это движение вышло удивительно ловким для обычно неуклюжей меня.

– Классный бросок, – заметил Риз. Удивление в его голосе могло бы меня задеть, если бы сама я не была так взволнована. Это действительно был классный бросок. Слишком уж классный для меня.

– Ага, повезло, – ответила я, натянуто рассмеявшись. Вскрыв сверток со льдом, я обернула им лодыжку Джейд.

– Сиди так двадцать минут, через час снимешь. Когда лед растает, я сменю примочку. Так опухоль спадет. И не нагружай ногу по возможности.

– Да, легко, – Джейд откинулась назад, закрыв глаза. Все то время, что раньше уходило на магию, теперь она тратит на сон. Я знаю, что ей тяжело, – нам всем тяжело, – оттого, что мир опять изменился. Но мы все делаем то, что обычно делают Наблюдатели: продолжаем держаться.

Зазвонил мой телефон. Мы избегаем контактов с внешним миром. Паранойя – неизбежная расплата, когда все твои друзья и семья мертвы. Но у одного человека есть мой номер, и этот человек – единственный свидетель нашего пребывания здесь, в лесу за сонным городком на ирландском побережье.

– Киллиан уже близко, с припасами.

Риз оживился.

– Нужна помощь?

– Да. Понятия не имею, как бы я справилась без тебя. Совершенно необходимо, чтобы ты пошел со мной и флиртовал со своим парнем, пока я осматриваю коробки.

Большой зал замка, где всегда прохладно, был освещен поздним солнцем. От витражей на пол падали синие, красные и зеленые квадраты света. Я ласково провела рукой по массивной дубовой двери и вышла на свежий осенний воздух. По замку гуляют сквозняки, водопроводная система в плачевном состоянии, электричество то и дело отрубается. Большинство окон не открываются, а из остальных нещадно сквозит. Половина комнат обветшала, жилое крыло больше напоминает свалку, а туда, где раньше была башня, мы и вовсе не заходим – слишком опасно. Но этот замок спас нам жизнь и сберег последних оставшихся из нас. Поэтому я люблю его.

Снаружи, на лужайке, которая наконец-то оправилась после того, как посреди нее два года назад мистическим образом приземлился замок, старик Брэдфорд Смайт, мой прадед, сражался на мечах с отвратительной Вандой Уиндэм-Прайс. Хотя правильнее было бы назвать это стычкой на мечах: после каждого удара они останавливались, чтобы поспорить насчет правильной стойки. Загадка, как Малыши смогли оказаться в библиотеке, разрешилась: Руфь Забуто спала мертвым сном.

Я проследила за ней с другой стороны луга, чтобы убедиться, что ее грудная клетка движется и что она просто спит, а не мертва на самом деле. Тут она всхрапнула так, что было слышно даже мне. Успокоившись, я пошла вслед за Ризом по тропинке, которая вела за пределы земель замка. Оттуда все еще было слышно, как Ванда и Брэдфорд спорят.

Киллиан приехал на мопеде, с обеих сторон которого свешивались коробки. Он радостно помахал нам рукой. Его мать раньше держала единственную на всю округу лавку магических товаров. Большинство людей даже не догадывается о том, что магия существует – существовала – на самом деле. Но мама Киллиана была довольно одаренной и сведущей ведьмой. И, что важнее всего, умела держать рот на замке. Киллиан и его мать – единственные из оставшихся в живых людей знали, что Наблюдатели ещё существуют. Что горстка из нас сумела выжить.

Мы не особенно распространялись о том, кто мы и чем занимаемся. Так безопаснее. Впрочем, и они никогда не задавали вопросов, потому что мы были

их основными покупателями, пока Баффи не уничтожила магию. Но и теперь Киллиан продолжал доставлять нам наши немагические заказы. Как ни странно, интернет-магазины не желают отправлять посылки по адресу «Потаенный замок посреди леса за пределами Шанкума, Ирландия».

Мопед Киллиана остановился возле нас.

– Как дела?

– Я…

Что-то мелькнуло за спиной Киллиана. Воздух пронзило рычание, и нечто темное набросилось на него.

Мой мозг отключился.

Мое тело среагировало.

Я прыгнула, встретив противника в воздухе на полпути. Мы врезались друг в друга, грохнулись о землю, и покатились, сцепившись. Я перехватила челюсти, которые грозили вот-вот вонзиться в моё горло; жаркая слюна, капавшая с клыков, обжигала кожу. Затем я извернулась и нанесла удар, и тварь навалилась безвольным мешком, мёртвым грузом прижав меня к земле.

Я оттолкнула тело и вскочила на ноги. Сердце колотилось, взгляд непрерывно обшаривал окрестности в поисках других угроз, ноги были напряжены, готовясь нанести новый удар.

И тут я услышала крик. Он донесся откуда-то издалека. Может быть, кричат не в первый раз? Я встряхнула головой в попытке сосредоточиться. И наконец-то осознала: у моих ног лежит некое существо – мертвое существо, – и убила его каким-то образом именно я. Отшатнувшись, я принялась оттирать рубашкой горячие липкие слюни, все еще покрывавшие мою шею.

– Артемида! – к нам подбежал Брэдфорд Смайт. – Артемида, ты в порядке?

Обогнув меня, он кинулся к твари. Это существо было похоже на собаку – собаку, которую выращивали в аду, – впрочем, так оно и было, потому что я была почти уверена, что это адская гончая. Черная крапчатая кожа. Меховые проплешины, больше похожие на заплесневелые наросты. Клыки, когти и одно-единственное желание – убивать. Но не теперь. Потому что я ее убила. Я ее убила?

Демон, прошептал голос в моей голове. И это он не об адской гончей.

– Нина, – произнес Риз, столь же потрясенный.

Брэдфорд Смайт в замешательстве посмотрел на него.

– Что?

– Не Артемида. Нина… Нина убила эту тварь.

Все посмотрели на меня так, словно у меня тоже выросли клыки и когти. Я не могла объяснить, что случилось. Как это случилось. Почему это случилось. Мне никогда раньше не приходилось делать ничего подобного. Меня мутило, но в то же время я чувствовала – неужели восторг? Это неправильно. Мои руки дрожали, но мне не хотелось прилечь. Я чувствовала, что могла бы пробежать десять миль. Перепрыгнуть через замок. Сразиться с еще сотней подобных.

– Кажется, меня сейчас стошнит, – сказала я, отвернувшись от мертвой твари. Я не убийца. Я лекарь. Я привожу вещи в порядок. В этом моя суть.

– Но это невозможно. – Риз внимательно посмотрел на меня, как будто я – один из его учебников, а он не мог разгадать написанное.

Он был прав. Я не могла сделать то, что только что сделала. А вот Брэдфорд Смайт выглядел менее удивленным. Он сгорбился и, сняв очки, стал протирать их с безучастным видом. Почему он не удивился, узнав, что это была я, а не Артемида? Он посмотрел на меня с сожалением и сочувствием:

– Нам нужно позвонить твоей матери.

Глава 2

– КАК ВООБЩЕ АДСКАЯ ГОНЧАЯ МОГЛА оказалась в Шанкуме? – Тон Ванды Уиндэм-Прайс в сочетании с поджатыми губами и яростным выражением лица, казалось, подразумевал, что это моя вина. Словно бы я подписывалась на ежедневный выгул собак, а вместо этого поставила галочку в разделе «мерзкая адская тварь».

Я не могла отвести взгляд от мертвого существа на земле. Мертвого. Как я смогла его убить?

Брэдфорд Смайт разгладил свои длинные, свисающие усы.

– Это настораживает. Шанкум всегда имел естественную магическую защиту. Отчасти поэтому мы и выбрали это место.

– Никакой магической защиты не осталось. – Руфь Забуто сильнее укуталась в свои многочисленные шарфы и накидки. – Разве ты не чувствуешь? Все ушло. Только зло осталось.

– Чем это вы тут все занимаетесь? – к нам спешила Артемида. Едва завидев адскую гончую, она бросилась между мной и мертвым демоном, мы даже не успели ничего ей сказать. Ее первый инстинкт – всегда защищать меня.

– Расходимся! Все в замок! Срочно!

Риз встревожился, на лицах старших Наблюдателей – это три четверти оставшихся от некогда прославленного и могущественного Совета – проступала озабоченность. Беда редко приходит одна. Кому как не им это знать. Не Артемида должна была об этом помнить. Риз схватил Киллиана и потащил за собой. Киллиан нахмурился.

– Мне же нельзя в замок, разве нет? Что это была за тварь?

– Уходи! – Артемида отбежала назад, оглядывая деревья в поисках новых угроз. Держась поближе ко мне – ведь это она тренированный боец. Она может разобраться с проблемами такого рода. Вжух – и голову долой.

Я поспешила по тропинке к замку. Меня должно было беспокоить, что где-то в лесу затаились еще твари, подобные этой, но я не чувствовала их присутствия. И это меня напугало – откуда мне было знать?

Как только мы очутились в замке, Артемида заперла дверь и начала раздавать приказы.

– Джейд и Имоджин присмотрят за Малышами в жилом крыле. Брэдфорд, сообщи им об этом. Риз, ты отвечаешь за Киллиана и Нину. Запритесь в библиотеке. Если в замок прорвутся, за дальней полкой есть потайная комната с окном, через него можно сбежать.

– Потайная комната? – спросила я, но меня тут же с неподдельной обидой перебил Риз:

– Есть еще книги, о которых я не знаю?

Киллиан подошел к двери:

– Забаррикадироваться? Прорвутся в замок? Черт возьми, да что здесь творится?

Артемида протянула руку, загородив ему выход. От меня не ускользнуло, что Риза назначили охранять Киллиана, простого мирного жителя, и меня. Артемида понятия не имела, что это я убила адскую гончую, и я не знала, как ей об этом сказать. Казалось, это был кто-то другой, не я. Я была… в смущении. И напугана. Ведь это было так, словно кто-то управлял моим телом, а значит, эти странности, которые месяцами происходили с моим телом, были абсолютно точно, стопроцентно, неоспоримо реальными.

Артемида открыла древний пыльный сундук за дверью и вытащила оружие. Ванда Уиндэм-Прайс шарахнулась в сторону от большого арбалета. Артемида презрительно посмотрела на нее:

– Предпочитаете розги?

– Придержи язык, – резко ответила Ванда. Этот обмен репликами был мне непонятен, но Ванда взяла арбалет и отправилась прочь. Риз взял меч. Брэдфорд

Смайт выбрал другой арбалет. Старуха Руфь Забуто вытянула устрашающего вида нож из перевязи на бедре, спрятанной под водопадом ее юбок.

– Как насчет… – начала я.

– В библиотеку! – рявкнула Артемида. – Живо!

Брэдфорд Смайт тяжело и печально посмотрел на меня. Кажется, ему было что сказать. Я бы не удивилась, если бы он вытащил леденец из кармана и вручил мне, потрепав по голове. Последние несколько лет наше общение к этому и сводилось. Совету совершенно нечего мне сказать. В конце концов, моя мама – член Совета, и ей никогда нет до меня дела. Чего тогда ждать от остальных?

Схватив Киллиана за руку, Риз потащил его за собой в библиотеку, а я побежала вслед за ними. Джейд уже ушла, хорошо бы она была в своей комнате, чтобы Брэдфорду Смайту не пришлось ее искать. Ризу удалось отыскать рычаг на дальней полке, и она отъехала, открыв тесную пыльную комнату. В ней мы и заперлись.

– Я жду объяснений, – тяжело дыша, сказал Киллиан. – Что это была за тварь? Зачем мы заперлись внутри замка? И могу я в конце концов узнать, как, черт возьми, вы вообще перетащили сюда замок? Я очень старался не подавать виду, но вообще-то я прожил в Шанкуме всю свою жизнь, и если бы в лесу и раньше был замок, то уж об этом я бы точно знал. И еще, Нина, что – вернее, как тебе удалось сделать то, что ты сделала?

Он бросил на меня настойчивый и подозрительный взгляд. Мы подружились еще до того, как они с Ризом начали встречаться. Его гораздо больше поразило то, что я сделала с адской гончей, чем сам факт появления адской гончей. Я упорно смотрела на изношенные доски пола – поколения Наблюдателей приходили сюда, учились здесь, строили планы. Отдыхали.

Замок никогда не был нашей основной штаб-квартирой. Раньше он служил базой отдыха для Наблюдателей. Но два года назад, задолго до катастрофы с Семенем Чудес, прежний Совет и практически все члены сообщества Наблюдателей были убиты взрывом, который устроили фанатичные последователи древней сущности, именуемой Изначальное Зло. И причиной всему было нарушенное Баффи равновесие между добром и злом, так что Изначальное Зло смогло

проложить себе путь наружу.

Изначальное Зло отправило своих приспешников убить всех, кто представлял для него угрозу. То есть всех потенциальных будущих Истребительниц, девочек с врожденной способностью стать Истребительницей, когда предыдущая погибнет. И всех Наблюдателей. Даже когда Баффи отвернулась от нас, Изначальное Зло все еще считало нас угрозой. В конце концов, Баффи смогла его уничтожить и спасти мир. Но она не спасла ни одного Наблюдателя.

Те из нас, кто смог спастись, либо были под серьезным прикрытием на задании – как Брэдфорд Смайт и Гонора, дочь Ванды Уиндэм-Прайс, – либо находились здесь по различным поручениям. Риз Забуто, Джейд Уэзерби, Артемида, Имоджин Пост, Малыши и я. Моя мать, Руфь Забуто и Ванда Уиндэм-Прайс взяли нас с собой, чтобы показать, что нас ждет в будущем, дать нам отдохнуть на свежем воздухе и провести несколько ритуалов очищения перед занятиями по магии. На меня последнее не распространялось. Никаких магических занятий, никаких физических тренировок. В мои обязанности входило присматривать за Малышами, пока Имоджин была на занятиях. В то время Имоджин сидела с Малышами только часть дня. Ей не позволили стать полноправным Наблюдателем, потому что ее мать, Гвендолин Пост, предала Наблюдателей и обманом выманила у Истребительниц оружие невероятной силы. Меня всегда бесило, что Имоджин должна нести наказание за то, чего она никогда не делала. Конечно, все мы здесь оказались из-за того, кем были наши родители, но мы – это не наши родители и даже не те, кем они хотели бы нас видеть. Кому как не мне это знать.

Руфь все же сделала послабление для Имоджин, потому что она хотела, чтобы все, кто мог, прошел базовый курс заклинаний, и самым подходящим для этого местом оказалось наше древнее место силы. Так наше наследие спасло нам жизнь. Замок защитил нас, когда всех остальных Наблюдателей смело взрывом.

– Нам надо быть там, с ними, – я положила руку на полку, отделявшую нас от библиотеки. Я не уточнила, что на самом деле я имела в виду: что это Риз должен быть там, с ними. Это он проходит тренировки как будущий член Совета. Но мы оба знали, почему Артемида защищается, а он отсиживается вместе с нами.

Во-первых, Артемида лучше подготовлена. И так было всегда.

Во-вторых, Артемида хочет, чтобы Риз защитил меня. Брэдфорд Смайт по ошибке назвал меня в лесу Артемидой. Ведь я не могу делать то, что я сделала. Это невозможно. Я никогда не обучалась, никогда не сражалась. Мне никогда не разрешали, но и мне самой никогда не хотелось.

Риз посмотрел на меня, словно не узнавая.

– То, как ты двигалась. То, что ты сделала. Ты была похожа на…

Киллиан встрял в разговор:

– Так какого черта? Будьте так добры, объясните, что это было? Что это была за тварь?

Я облокотилась о полку, чувствуя облегчение от того, что Киллиан попросил объяснений, а это отвлечет меня от навязчивых мыслей о том, что я сделала. О том, что хотел сказать Риз.

– Это был демон.

– И что теперь? – Киллиан начал теребить курчавые волосы. Его мать – наполовину британка, наполовину нигерийка, а отец вырос в Шанкуме. Киллиан – первый парень после Лео Сильверы, в которого я влюбилась, но это продлилось ровно три минуты, пока я не осознала, что я не в его вкусе и никогда не буду. Риз – везунчик.

Но это куда лучше, чем моя предыдущая влюбленность, которая закончилась такой унизительной катастрофой, что за эти три года других попыток не было. Может, еще года через три я наконец-то преодолею это проклятие Лео Сильверы. Но верится с трудом. Из всех травм в моей жизни – а их было немало – тяжелее всего было услышать, как мои стихи, все о любви, читают вслух предмету моего воздыхания. Боже, почему бы Гоноре Уиндэм-Прайс не убить меня заодно на месте? Но милосердие всегда было для нее пустым звуком.

Никому не известно, смогли ли Лео Сильвера и его мать выжить, все эти годы от них не было ни слова. Для Наблюдателей это значит, что они, скорее всего, мертвы. Линия Джайлзов пресеклась, как почти весь род Забуто, Кроули,

Траверсов, Сёрков и Постов. Причины смерти в соответствующем порядке: шея сломана бывшим союзником, демон, демон, взрыв, взрыв, отсеченная рука в сочетании с ударом молнии. Последний случай – это мать Имоджин. Бедная Имоджин. Я рада, что она здесь, и мне есть с чем сравнить. С моей матерью все могло быть и хуже.

И все же нас осталось так мало. Я надеюсь, что Сильверы живы, где-то там, вдалеке. И я так же горячо надеюсь, что мне не придется с ними встретиться.

Я не понимала, почему весь этот кошмар напомнил мне о Лео. Хотя постойте. Совершенно ясно, что воспоминания о нем вызваны этими обостренными, ужасными переживаниями.

– Демон, – повторила я, усилием воли возвращаясь к теме. – Существуют разные виды демонов. Некоторые из них родом из других, демонических измерений. Некоторые – полулюди-полудемоны. Подлинные демоны обычно не могут существовать в нашем измерении, но иногда они могут заражать людей. Как вампиры.

– Вампиры? – взвизгнул Киллиан, повернувшись к Ризу. – Они существуют. Вампиры существуют. Мне казалось – само собой, я знаю о магии, – но мне казалось, что вы просто принадлежите к какой-то идиотской секте. Ты никогда не говорил про вампиров. А это очень важная новость, которой ты мог бы поделиться за тот год, что мы встречаемся. «Эй, Киллиан, у тебя такие красивые губы, кстати, ты знал, что демоны и вампиры реальны?»

Риз забаррикадировал проход в книжной полке с помощью стола. Выглядел он немного смущенным.

– Я не хотел обсуждать с тобой наши дела. Мне нравится, что ты находишься в стороне от этого. Ну и мне казалось, ты в курсе, раз твоя мама ведьма и все такое.

– Кристаллы, напевы и прочая фигня! Слабая левитация! Ничего такого. Сколько вообще демонов в мире?

– Всех и не перечислишь – тысячи. Может, десятки тысяч. В зависимости от классификации.

Киллиан так резко откинулся на спинку стула, что тот опрокинулся, и Киллиан жестко ударился об пол.

– Десятки тысяч? Почему правительство сидит сложа руки?

– Какое правительство?

– Наше, Нина! Да любое! Кто-то же наверняка выступает с инициативой.

– Иногда. Но демоны хорошо умеют держаться в тени.

Я протянула руку, чтобы поправить волосы, но замерла. Этими руками я сжимала челюсти адской гончей, лишила ее жизни. Вздрогнув, я убрала руки в карманы и позволила Ризу продолжить объяснение. Демоны всегда были вокруг нас. Порталы, адские врата и магия позволяли им наведываться к нам из других измерений. Тяжело отследить. Тяжело сражаться.

– Здесь и вступаем мы, – сказал Риз. – Наше сообщество существовало с незапамятных времен, чтобы защищать человечество. Мы знаем все пророчества, всех демонов, все вероятные концы света. Но даже на заре времен мы не могли делать это в одиночку. Мы – они – дали девушке демонические силы, чтобы она стала Истребительницей и могла охотиться на демонов.

Киллиан вопросительно поднял бровь:

– То есть эти древние парни решили: эй, а давайте выберем только одну девушку, чтобы защитить все человечество? Что за бредовый план?

– Вообще-то ты критикуешь наших дальних предков, – немного уязвленно ответил Риз.

Должна признаться, я была на стороне Киллиана. Единственное, именно для этого и нужны были Наблюдатели. Нельзя сказать, будто мы навесили на Истребительниц такую ответственность, а затем покинули их.

Это они покинули нас. Как обычно, инициатором была Баффи. Она стала первой Истребительницей за всю историю, отказавшейся от нашего наставничества. От наших знаний. Нашей помощи. Как будто мы мешали ей, а не поддерживали.

Моя голова кружилась. Словно наяву я продолжала чувствовать, как хрустнула шея.

– Но затем Баффи, последняя Истребительница…

Риз перебил меня:

– Последняя на данный момент. Все Истребительницы сначала имеют потенциал. И когда нынешняя Истребительница умирает, призывают новую. Таким образом, Истребительница всегда была единственной. Большинство из потенциальных Истребительниц никогда не становились ими. Но Баффи однажды умерла и…

– Дважды, – поправила я.

– Это сейчас не принципиально, – раздраженно заметил Риз. – Она умерла, поэтому появилась новая Истребительница, Кендра. Но затем Баффи смогли реанимировать, поэтому одновременно существовали две Истребительницы, а потом Кендра погибла, и Истребительницей после нее стала…

– Бога ради, просто перескажите мне статью из Википедии, – простонал Киллиан.

Пока Риз вел повествование, я забралась на стул возле окна под потолком и принялась разглядывать деревья. Я не хотела вслушиваться в то, что рассказывал Риз. Все это мне было уже известно. Два года назад, когда Баффи сражалась с Изначальным Злом, она должна была проиграть. Поэтому она просто сделала то, что и всегда: нарушила правила. В этот раз она разрушила принцип силы Истребительниц. Правила, которые работали с незапамятных времен, были отменены. Внезапно все девушки, которые когда-либо могли стать Истребительницами, стали ими – или точно станут по достижении определенного возраста.

Баффи позволила Наблюдателям погибнуть, а затем обрушила на мир почти две тысячи новых Истребительниц. Позже почти тысяча из них погибла в битве. Есть причина, по которой должна существовать только одна Истребительница и целый орден Наблюдателей. И все эти новые Истребительницы не сдвинули чашу весов в сторону добра, нет. Наоборот. Демоны, которые творили свои демонические злодеяния под покровом ночи, внезапно почувствовали угрозу. Чем сильнее бьет Баффи, тем сильнее ответный удар со стороны сил тьмы. И ответ был таким, что едва не настал конец света.

Я отвернулась от окна. Там ничего нет. Не знаю почему, но я была в этом уверена. И меня замутило от страха перед тем, что могли означать все эти способности и ощущения. Шестьдесят два ужасных дня я успешно делала вид, что ничего не происходит. Но теперь мне это не удавалось.

Риз дошел в своем рассказе до последних отвратительных похождений Баффи.

– Помнишь, как несколько месяцев назад чуть не настал конец света?

– Конец света? – в ужасе переспросил Киллиан.

– Ах, да. – Риз устало потер лоб. Очевидно, есть причина, почему мы не обсуждаем подобные вещи с посторонними. Это сложно. – Конец света едва не настал, потому что другое измерение чуть не поглотило наше.

– Шестьдесят два дня назад, – прошептала я. Нам пришлось затаиться здесь, в замке, смотреть со стороны, ведь если бы мы обнаружили свое присутствие, скорее всего, погибли бы в перекрестном огне. Я ненавидела все это. Артемида чуть с ума не сошла. Но самое отвратительное в этом было то, что и без нашей помощи все сработало. Ну вроде того.

– Чтобы предотвратить конец света, Баффи уничтожила Семя Чудес, которое было источником всей магии на Земле.

Киллиан слегка присвистнул.

– Я думал, это были просто неполадки. Ну как если бы пропал сигнал магического вай-фая или что-то в этом роде.

– Ты разве не заметил, как в один день разверзлись небеса, повсюду начались землетрясения, цунами и все такое? – спросила я.

Киллиан пожал плечами.

– Глобальное потепление.

Риз с отсутствующим видом разглядывал корешки книг на полках. Ему трудно было сосредоточиться, когда он узнал, что у нас есть все эти книги. Так что рассказ продолжила я.

– Верно. Глобальное потепление и вдобавок глобальная угроза со стороны другого измерения. И все это – магия, которая не работает, новые Истребительницы, почти случившийся конец света, – все это заслуга Баффи.

Киллиан фыркнул.

– Прошу прощения. Просто я никак не привыкну к ее имени. Баффи.

Я уставилась на него, сложив руки на груди.

– И что с того? У нее забавное девчачье имя, и поэтому она не может уничтожить мир?

Киллиан поднял руки, словно защищаясь.

– Я ничего подобного не говорил.

– До того, как она стала Истребительницей, она была чирлидером, – заметил Риз.

Киллиан расхохотался.

Я вовсе не хотела защищать Баффи – ни в чем, – но меня это покоробило.

– Ты вообще когда-нибудь видел соревнования по чирлидингу? Да любая из этих девиц уложит тебя на обе лопатки, даже не будучи Истребительницей.

– Так вот как ты убила это демоническое отродье, да? Это все чирлидерские штучки?

Мне снова послышался хруст сломанной шеи.

– Не в этом дело. Я вообще терпеть не могу Баффи. Все, что она может, – это тут же вступать в бой. Она никогда не думает о последствиях, и моя семья до сих пор расплачивается за это. – Я сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться. – И весь мир тоже. Потому что она разрушила его в последний раз. Больше нет магии. Нет связи с другими мирами. И больше не будет новых Истребительниц. Никогда. Она сначала широко распахнула дверь, а затем наглухо захлопнула ее.

– Ей не помешает определиться, – заметил Киллиан. – Нужно больше Истребительниц – долой Истребительниц! Разрушить мир – спасти мир!

Риз занял мое кресло у окна и посмотрел наружу.

– Надо признать, многие годами хотели разрушить мир. Такие дела.

– Что? И кто-то об этом знал?

– Мы, – ответил Риз.

– Ясно. – Киллиан схватил меня за руку и усадил рядом с собой. – Итак, Нина, как насчет твоей истории? Эта Баффи. Это личное, верное?

Я закрыла глаза, в моем мозгу всплыли слова, которые вдалбливались мне с рождения: В каждом поколении рождается Истребительница: одна во всем мире, Избранная. Она единственная будет обладать силой и умением, чтобы бороться с вампирами, демонами, силами тьмы и остановить распространение зла и его усиление. Она – Истребительница.

Я с трудом продолжила, слова причиняли мне боль:

– У каждой Истребительницы есть Наблюдатель. И у Баффи был лучший из лучших.

Я открыла глаза и улыбнулась.

– Мой отец был ее первым Наблюдателем.

Когда Меррик Джемисон-Смайт отыскал ее, она понятия не имела о том, кто она и что ее ждет. Мой отец всю жизнь провел, тренируя Истребительниц, обучая их, наставляя. И он видел, как те, кого он обучал до нее, погибли. Поэтому когда перед ним встал выбор – дать использовать себя против Баффи или умереть – он выбрал Избранную.

Он спас ее. А мы его потеряли. На его место пришел Руперт Джайлз, и это он – Наблюдатель, которого все помнят. Их отношения – то, как он потворствовал ее отказу следовать правилам или нежеланию выстроить предписанное взаимодействие, то, как он отрицал собственное наследие, – стали началом конца. И все же, когда кто-то думает о Наблюдателе Баффи, он вспоминает о Джайлзе. Не о моем отце.

– И кто теперь у вас Истребительница? – спросил Киллиан, ловко сменив тему. Однако его рука сжимала мое плечо легким, ободряющим жестом. Он знает, что такое мертвый отец.

– У нас ее нет, – Риз спустился со стула у окна.

– Разве у вас не должна быть их целая куча, раз их так много появилось?

– После того, как многие из нас… – Риз запнулся. Погибли при взрыве, мысленно продолжаю я. Он выбирает менее острую формулировку. – После того, как нас осталось так мало, мы пытаемся разработать оптимальный план действий.

Мы не знаем, как поведут себя Истребительницы, если мы свяжемся с ними. Как отреагирует Баффи, если узнает, что в мире еще осталась горстка действующих Наблюдателей. Честно говоря, я не знаю, получится ли у нас когда-нибудь сблизиться после раскола, который Баффи устроила между Истребительницами и Наблюдателями. Но пока что… «Мы пытаемся разработать оптимальный план действий» в переводе с языка Наблюдателей означает «затаиться». Ничего не делать. Я понимаю, что это в наших интересах – залечь на дно и притвориться, что Совета Наблюдателей больше не существует. Вопрос о роспуске по-настоящему никогда не стоял. Мы все еще Наблюдатели – защитники, – что бы

ни происходило. Но теперь, когда мир полон Истребительниц (виновата Баффи), магия разрушена (виновата Баффи), ни один портал в другие измерения не работает (виновата Баффи), все опять изменилось. Вот чем занимается моя мать. Собирает данные, чтобы мы могли понять, как изменился мир, какие новые угрозы нас поджидают.

Я не знаю точно, что Совет планирует делать потом, когда моя мама закончит свои исследования. Но если мы не удостоверимся, что все адские врата и порталы действительно запечатаны, то кто их проверит?

Вот почему Наблюдатели должны существовать. В мире, который постоянно перекраивается, где все время меняются правила, где Избранная становится Избранными, где магия исчезает, где прежних путей больше не существует, мы единственная постоянная величина.

Мы по-прежнему наблюдаем.

Правда, этого недостаточно. Совет не решил, что делать дальше. Ведь нас слишком мало, а их слишком много. Как мы выберем одну Истребительницу из стольких вариантов?

И будем ли мы рисковать жизнью, зная, что приносят с собой Истребительницы? Их дар – смерть.

И это то, с чем я борюсь, правда всей моей жизни среди Наблюдателей, общества, где я выросла, которому я помогаю и которое существует, потому что существуют Истребительницы: я ненавижу их. То, кем они являются, то, что они делают.

Но ни к кому из них я не испытываю такой сильной ненависти, как к Баффи.

Глава 3

– ВСЕ ЧИСТО, – РАЗДАЛСЯ КРИК ДЖЕЙД с другой стороны полок. – И они собираются на совещание.

Когда мы открыли потайную дверь, мы увидели, что она ждет нас, морщась от боли. Лед растаял, лодыжка была кое-как замотана. Я опустилась на колени, чтобы поправить бинты. На совещание отправятся Риз, Брэдфорд Смайт, Руфь Забуто и Ванда Уиндэм-Прайс. Артемиду тоже позовут – вести записи. Еще там присутствовала бы мама, но ее не было – к счастью. Я всего лишь местный лекарь, и для меня места не нашлось. Обычно меня это задевало – еще одно доказательство, как низко ценятся навыки лечения. Но в этот раз я была только рада.

– Я провожу Киллиана до мопеда после того, как разберусь с твоей лодыжкой, – беспечно сказала я, надеясь, что со всем этим хаосом никто не задаст мне вопросы. Я надеялась, что они так будут озабочены самим появлением адской гончей, что не обратят внимание на то, что это я ее убила. Они столько лет меня не замечали. Почему бы им не продолжить делать это?

– Киллиан подождет, – пузырь жвачки, который надула Джейд, лопнул. Она убрала неровную каштановую челку с глаз. – Тебе нужно идти. Совещание будет по поводу тебя.

Меня охватил страх. Я не могу пойти на совещание. В течение двух месяцев я знала, что со мной что-то не так. Теперь об этом знали все. А Наблюдатели, как показывает история, никогда не славились нежным обращением с демонами и с теми, в кого те вселились.

– Все в порядке, – пробормотала я, закончив накладывать повязку, и поспешила прочь. – Мне вовсе туда не нужно.

Может, Джейд и купилась на это, но меня не оставляло чувство, что меня преследуют. Я поспешила в спальню. Те из нас, кто не входит в Совет, размещаются в спальном крыле замка. Когда-то в этих комнатах было полно юных Наблюдателей, которые проходили подготовку, соревновались, учились и соперничали ради главной награды – возможности войти в Совет.

У большинства членов Совета был опыт работы с Истребительницами, хотя их знания были скорее академического, нежели практического характера. Учитывая, что на одну Истребительницу приходится полный Совет, большая часть Наблюдателей никогда не работали напрямую с Избранной. У тех, кого назначали прямыми наставниками Истребительниц, была определенная

репутация. Они были слишком близки к тьме. Им не хватало профессиональной отстраненности и перспективы, чтобы принимать трудные решения. Вот почему мои родители так хорошо работали в команде. Отец работал в полевых условиях, а мать вот-вот должна была войти в Совет.

И все же кандидатов в Совет было так много, что люди вроде меня – те, кто никогда не стал бы полноправным Наблюдателем и не попал бы в Совет, – не допускались в жилое крыло. Члены семей Наблюдателей, такие как Джейд, Имоджин и я, должны были отправиться в бездушные офисные здания для ведения бухгалтерии, на отдаленные посты для изучения магии или, если повезет, нас могли назначить ассистентами в Совет или в отряды спецназначения. Этот замок никогда не предназначался для нас. Но затем Баффи взяла и разнесла предназначение на мелкие кусочки. И вот мы здесь.

Спальни в крыле когда-то были уставлены двухъярусными кроватями. Мы все это убрали два года назад, спокойно и без особых церемоний. Теперь Малыши спят вместе с Имоджин в смежных комнатах. У всех остальных – собственные комнаты, кроме меня и Артемиды. Не потому что у нас недостаточно свободного пространства – его сейчас у Наблюдателей было в достатке, – просто Артемида хочет быть поближе ко мне, даже когда мы спим.

Ненавижу сон.

Каждую ночь в моих снах меня бросали одну среди пожара. И именно Артемида будила меня от кошмаров. Хотя в последнее время мне было трудно заснуть. Стоило ночи окутать мир, тело начинало звенеть от адреналина и нервов. А когда я все-таки засыпала, мои сны были уже не о том, как меня бросили. Они были вообще не обо мне.

Мне удалось пробыть в нашей комнате всего несколько минут, прежде чем Артемида отыскала меня. Она проскользнула в спальню и обняла меня так отчаянно, что я почувствовала, как она дрожит. Мы не обнимались уже столько лет. Она показывала мне, как сильно любит меня, самыми типичными для нее способами. Например, следила за моим питанием, чтобы удостовериться, что я получаю правильный рацион. Проверяла, чтобы мои ингаляторы никогда не были пустыми. Ночевала рядом на случай, если мне понадобится помощь. Поэтому Артемида, демонстрирующая физические знаки привязанности, привела мой внутренний сигнал тревоги в действие. Если она обнимает меня, значит, я права. Дело обстоит хуже некуда.

– Я и подумать не могла, что произошло на самом деле, – сказала она, отступив назад и изучая мое лицо, чтобы удостовериться, все ли в порядке. – Когда я увидела мертвую гончую снаружи, я решила, что ее убил Риз. Боже, Нина. Мне следовало быть там.

– Ты не могла знать этого. Никто не знал.

– Как ты убила ее?

Я сглотнула, чувствуя, как нарастает паника. Я так долго держала это глубоко внутри, не желая думать об этом. Так много всего, что я не могла произнести вслух, потому что тогда это стало бы реальным. И вот плотину прорвало.

– Это было так… словно это была не я, – призналась я. – Артемида, мне страшно.

Мои глаза наполнились слезами.

– В шкаф? – голос Артемиды давно не был таким мягким.

И вот уже это не Артемида из Замка. Это моя собственная Артемида – моя сестра-близнец, которой я могу доверить любую тайну. Мы забрались в стенной шкаф и сели плечом к плечу. Мы так делали в нашем старом доме еще совсем малышками – прятались в шкафу после какой-нибудь шалости. Когда мы повзрослели, Артемида укрывалась со мной в шкафу, когда кошмары особенно мучили меня, и от страха я не могла сомкнуть глаз. Это место, где мы рассказываем секреты. А у меня никогда еще не было большей тайны.

Я придвинулась спиной к задней стенке, сдвинув висевшую одежду. Мои наряды – яркие, всех цветов радуги, мелочи, которые дарят мне радость, когда я нуждаюсь в ней. Вещи Артемиды – черные, практичные. Когда ей нужно развеяться, ей некогда смотреть, во что она одета.

Она села в той же позе, что и я.

– Расскажи мне.

Я глубоко вздохнула.

– Я понятия не имела, что делаю, когда на нас бросилась адская гончая. Это вышло инстинктивно. Мое тело взяло верх, и я убила эту тварь, не раздумывая.

Она промолчала.

То, чего я больше всего боялась, мысль, которую я усерднее всего отгоняла от себя, вылезла на поверхность, как демон, карабкающийся из темных глубин. Мне следовало сказать ей в первый же день, как я почувствовала это. Но что, если Артемида не сможет это исправить? Артемида все исправляет, но вдруг это невозможно даже для нее? Если у нее не выйдет, что это будет значить для нее? Что это будет значить для меня?

– Я… Я странно себя чувствую. Уже несколько месяцев.

Это замечание не прошло незамеченным.

– Несколько – это сколько именно?

– Помнишь тот день, когда появились огромные демоны из другого измерения?

Артемида с трудом рассмеялась:

– Да, ты знаешь, этот день трудно забыть.

Мы были на улице в один из редких перерывов Артемиды. Поерзав на одеяле, я подняла глаза на небо.

– На что похоже это облако?

Артемида не отрывала взгляд от своего бутерброда.

– На водяной пар.

Я толкнула ее локтем в бок.

– Ну же, используй свое воображение.

– Не могу. Мое воображение умерло долгой мучительной смертью, потому что я вдыхала слишком много полироли, начищая оружие.

Я легла на бок, чтобы заглянуть ей в лицо.

– Ты же понимаешь, что не обязана делать всю эту тяжелую работу.

Артемида закатила глаза. Иногда я смотрела на ее лицо и думала: неужели мое лицо выглядит так же, когда принимает подобные выражения? У нас одинаковые черты лица, но все же у меня они смотрелись иначе. Все, что она делала, было отточенным, ясным, мощным. Все, что делала я… Таким не было.

Я отогнала жирную черную муху, кружившую возле лица.

– Ты все равно умнее, чем все эти напыщенные бездельники. Это ты должна заниматься исследованиями и делать записи, пока они полируют оружие.

– Я не прошла испытание, так что это мои обязанности. Да и вообще этим некому больше заниматься.

Риз рухнул на одеяло возле меня. Они с Артемидой занимались с детства. Как только мы воссоединились с Наблюдателями, Артемиду отправили на тренировку для наиболее вероятных будущих членов Совета. Наша мать настояла на этом. Мне она даже не дала попробовать. Но почему путь в Совет заказан тем, кто занимается лечением? Тем, кто воспринимает мир – и реальный, и сверхъестественный, – как что-то, что можно вылечить, а не калечить?

– На что похоже это облако? – спросила я Риза.

Голос Риза прозвучал угрюмо.

– Знаешь ли ты, как тяжело избавиться от тела? Я только что провел четыре часа, смешивая различные химические вещества, чтобы растворить скелет

абаримона, и тут приходит Ванда Уиндэм-Прайс и говорит, что подобные останки просто сбрасывают в океан.

Я поцокала в знак сочувствия.

– Вампиры сразу кажутся такими заботливыми – просто бац! – и они исчезают. И никакой уборки.

– Это меньшее, что они могут сделать. Как бы то ни было, меня попросили выйти. Совет чем-то страшно обеспокоен, – он зевнул, – видимо, мне еще не положено знать.

– Меня тоже выгнали, – сказала Артемида.

Я не возражала против компании.

– Если вам обоим нечем заняться, я как раз составляю каталог инвентаря в моем медпункте.

Артемида положила руку мне на лоб.

– Ты принимаешь витамины? Ты немного бледная.

– Ты тоже.

– Словно вы близнецы, – вставил Риз.

Артемида проигнорировала его замечание.

– Ты уже поела? Я могу что-нибудь тебе приготовить.

– Это я могу что-нибудь тебе приготовить. Твоя стряпня просто ужасна. – Я показала ей язык, чтобы она поняла, что я ее дразню.

Хотя Артемида отвечала за завтраки и обеды, ужин мы готовили по очереди. Никто не был в восторге, когда выпадала моя неделя. В половине случаев к тому

моменту, когда я приходила на кухню, Артемида уже успевала все приготовить за меня. Я никак не могла решить, люблю ли я ее за это или же я предпочла бы, чтобы она отдохнула, а все как-нибудь пережили один вечер с переваренными спагетти и соусом из банки.

Артемида закрыла глаза, отдыхая. Ее лицо так редко можно увидеть в покое. Риз тоже собрался вздремнуть. Это то искусство, в котором я превосхожу их обоих. Скорее всего, единственное.

Я перевела взгляд на небо, радуясь, что у Риза и Артемиды выдалось несколько свободных минут. У меня таких минут было довольно много. Тем временем облака в небе начали разыгрывать представление. Они сближались все быстрее, принялись кружить и вздыматься. Расти. Вести себя совсем не так, как подобает облакам. И тут появилось первое щупальце.

– Э-э-э, ребята?

– М-м? – Артемида сдвинула голову ближе к моему плечу. Она замерла, прислушиваясь к моему напряженному дыханию. Затем резко села, глядя прямо мне в лицо.

– Что случилось?

Я указала пальцем наверх.

– Мне кажется или это облако выглядит как гигантский демон, который вылез из дыры в небе?

– Ого, – сказал Риз. – Да. Не знаю, к какому классу он относится.

Секундное молчание и затем – «Оружие!». Кричала Артемида. Риз вышел из ступора и кинулся к сараю во дворе. Он вернулся с арбалетами, пиками и такой кипой мечей, что едва дотащил их. Ещё у него с собой была угрожающего вида винтовка, заряженная дротиками, которые, как я знала, были способны уложить даже самых огромных демонов.

Но этот демон куда больше, чем самые огромные демоны! Это был просто монстр, чудище. Большинство демонов, которых мы видели, были полукровками или носили человеческое обличье в нашем измерении.

Существо, которое появилось в небе, не выглядело как что-то из нашего мира. Оно выглядело как разрушитель мира.

Я услышала напевы и, обернувшись, увидела, как Имоджин и Руфь Забуто, воздев руки, активировали зачарованные границы замка. В небе над нами замерцал купол, обозначая защитное поле.

Артемида отдавала команды Ризу. Я же сидела на пледе – не делая ничего. Всё, чему меня научили, – как лечить людей. Приводить их в норму. А теперь я сомневалась, что, когда все закончится, мне будет кого лечить.

После пожара, вероятно, из-за моих кошмаров, мама утверждала, что я не смогу справиться со стрессом. Поэтому я должна была избегать опасных ситуаций. Но как насчет гигантского одноглазого демона с зубастыми щупальцами, спускавшегося с неба, которое еще минуту назад было чистым? Его едва ли удастся избежать.

Нам конец. Нам всем конец.

Демон расположился на магической границе. От запаха паленой плоти меня едва не вывернуло наизнанку, в горле запершило. Демона препятствие не остановило. Бугры вдоль его живота лопнули, заливая барьер дымящейся оранжевой гнилью. Щупальца полностью обхватили мерцающий купол. Демон был размером с замок.

Голос Руфи Забуто дрожал. Имоджин бросилась в замок, по всей видимости, чтобы найти и защитить Малышей. Мама выбежала на улицу, но приближаться к нам не стала. Она присоединилась к Руфи, её ожесточенный голос слился со старческим голосом Забуто. Я хотела, чтобы она была рядом, но она, как обычно, решила защитить других. Я оглянулась на Артемиду. Она посмотрела на меня. В этот раз мать предпочла нам обеим Наблюдателей.

– Я вытащу Нину! – Артемида дернула меня за руку, поднимая на ноги. Сердце билось в груди так сильно, что это причиняло боль. Мой обзор сузился, мир

перед глазами начал расплываться.

– Помоги им, – сказала я с трудом. С моим телом было что-то не так. Каждый нерв был в огне, внутри все как будто взрывалось.

– Барьер долго не продержится. Нужно бежать, пока он отвлекся. – Она потащила меня в сторону леса, туда, где каменная арка находилась за магическим барьером. Это был единственный выход. Когда мы проходили через нее, я оглянулась назад.

Последние из рода Забуто. Последние Смайты. Последние из нас. Мама повернулась к нам, я уже видела подобное выражение на ее лице – когда она выбрала Артемиду и бросила меня позади. Теперь Артемида выбрала меня и бросила мать. Мать вскинула руку в прощальном жесте.

Но Малыши все еще были в замке.

Я резко остановилась, Артемида споткнулась, потеряв равновесие.

– Нина, нам нужно идти!

Она сделала несколько шагов вперед, ожидая, что я последую за ней. Я пыталась выдавить из себя слова, чтобы объяснить, что я не могу их бросить. А потом я подняла взгляд и увидела одинокое серо-зеленое щупальце с клыками вместо присосок, раскачивающееся в воздухе. Прямо над моей сестрой.

Мир сузился до одной точки: Артемида.

Я бросилась к ней, и в момент столкновения случились три вещи. Магический барьер бесследно исчез. Всплеск энергии, будто я сунула палец в розетку, так сильно ударил по мне, что я отлетела от Артемиды и врезалась в дерево. А демон взорвался.

Позже мы узнали, что демон взорвался, когда Баффи, уничтожив Семя Чудес, отрубила магию и наши связи с другими измерениями. Но в тот день мы знали только то, что мы должны были умереть, но не умерли. А я была с ног до головы облита слизью демона из другого измерения.

– То есть ты хочешь сказать, что ты почувствовала изменения в тот самый момент, когда было уничтожено Семя Чудес? В самую последнюю секунду перед тем, как магия навсегда ушла из мира?

Я начала теребить шнурок на ее ботинке.

– Ага.

– Это случилось давным-давно, Нина. Почему ты мне не рассказала?

И вот передо мной снова Артемида из Замка – из голоса ушла мягкость, в тоне и выражении лица читается настороженность. Я почти ожидала, что она вытащит из кармана инструкцию для проверки «Демон ли Нина?».

– Я боялась. То есть… Я волновалась, не переселился ли в меня демон. Такое же случалось. Я ожидала, что у меня вырастут щупальца. Когда этого не произошло… Не знаю. Я не знала, как тебе рассказать.

Потому что ты – не та, что раньше. И мы – не те, что раньше. Теперь и я – не та, что раньше.

– Я надеялась, что это пройдет, – сказала я вслух. – И все станет как прежде.

Не считая новых для меня ощущений. И режима сна. И кошмаров.

Артемиде не составило труда сопоставить данные.

– Ты почти не спишь. И твои кошмары изменились. Меньше о пожаре, больше о… монстрах.

– Но вспомни, чем мы занимаемся! Конечно, мне снятся ужасные вещи. Я пол-утра провожу, изучая пророчества о Судном дне и генеалогические древа демонов.

Артемида вылезла из шкафа и присела на край кровати. Я последовала за ней. Мы обе рассматривали ее лоскутное одеяло. Мое сделано из бесконечных футболок, из которых мы выросли. Ее – такое грубое и безликое, словно его забрали с больничной койки.

– Если ты ощутила изменение до того, как магия была уничтожена, есть вероятность, что ты теперь… – она умолкла. На ее лице были написаны гнев и отвращение.

Демон, подумала я.

Но он говорит кое-что похуже:

– Истребительница.

Истребительница. Я вскочила на ноги, желая убежать от этого слова. Оно для меня так же отвратительно, как то, что я сотворила с адской гончей. Я не Истребительница. Я Наблюдатель. Кроме того, провидцы, с которыми мы раньше работали, не могли не заметить Истребительницу в наших рядах.

Я нарезаю круги по комнате.

– Это невозможно. Больше нельзя призвать Истребительниц. Магия исчезла, и больше ничего не осталось. Не будет никаких Истребительниц. Да и вообще, разве есть какой-то смысл в том, что я могу быть Истребительницей?

– Нет! – произнесла Артемида, и сила ее восклицания слегка меня задела. Ей не нужно было так быстро со мной соглашаться. С другой стороны, это подтверждало мои слова. Никто из нас не хотел бы стать Истребительницей, но если кто-то и мог ею быть, то уж точно не я.

Артемида встала, держась идеально прямо. Она свела брови, и выражение ее лица говорило о тревоге:

– Но мне кажется… Мы знаем, что скрытые способности Истребительницы активизируются в момент серьезного испуга или отваги, с чем ты никогда не сталкивалась после пожара, потому что я оберегала тебя – я всегда так

старалась оберегать тебя!

Она глубоко вздохнула и потерла лоб.

– Это кажется невероятным. И неверным. Но это не похоже на то, как вселяется демон. И время, когда это произошло… Что, если ты превратилась в Истребительницу в самый последний момент перед тем, как род Истребительниц прекратил свое существование?

– Нет, – отрезал чей-то голос, мрачный и холодный, как подземелье замка. Оглянувшись, мы увидели возле дверного проема нашу мать.

А я-то думала, что этот день не может стать еще хуже.

Глава 4

У НАС БЫЛО ТРИ МАТЕРИ, КАЖДАЯ – в разный период времени.

Первая – мама мечты.

В моих воспоминаниях она пахнет рождественским печеньем. Она нам пела. Читала книжки с прекрасными картинками, а не с чешуйчатыми демонами. Смеялась. По крайней мере, мне кажется, что она смеялась. Когда я пытаюсь вообразить это, звук почему-то не накладывается на картинку. Как будто смотришь немое кино. А в конце фильма – мой отец с седеющими усами и добрыми глазами, и они опускаются на колени, чтобы обнять нас обеих.

Мама что-то говорит ему – что именно? – а затем целует. Мы машем ему рукой, пока он выходит из дома. Мама выглядит одновременно гордой и грустной и зовет нас на кухню за печеньем.

Мой папа так и не вернулся, и та моя мама – мама с печеньем – тоже исчезла. В каком-то смысле Баффи забрала у меня обоих родителей. Я никогда не встречалась с Истребительницей. Скорее всего, она и не знала о нашем существовании. Но когда мой папа умер ради нее, мама мечты умерла вместе с

ним.

Вторая – призрак мамы.

После той ночи, когда на нас напали на кладбище, мама всегда была рядом с нами, но… ее не было. Мы постоянно переезжали. Не припомню, чтобы она работала или чем-то занималась. Печенья не стало. Остались только мы вдвоем и наша отрешенная мать. Она следила за нами, но ее преследовали собственные мысли. Замирала у окна с задернутыми шторами, не отрывая взгляда от просвета между ними. Мы потеряли отца, но мы потеряли и мать. Она превратилась в свою бледную тень. Мы искали у нее утешения, но находили только страх. Поэтому мы с Артемидой перешептывались, играли тише. Тщательнее прятали наши колья, чтобы она их не отбирала. Научились заботиться друг о друге, чтобы не мешать ее бдениям. Получалось не всегда идеально, но было неплохо.

Но затем все сгорело.

Третья – не мать.

После пожара она перестала быть нашей матерью и стала Наблюдателем. Раньше я и не подозревала, какой необычной была наша обособленная жизнь, пока мы не переехали к ним в Лондон и я не увидела, как устроено сообщество Наблюдателей. Мы больше не жили одной семьей. Мы с Артемидой обитали в общем спальном крыле, а у матери были апартаменты в крыле Совета.

Мне казалось, что она снова отталкивает меня. Но, может быть, ее решение сменить роль матери на роль Наблюдателя было отчасти связано с тем, что так она могла избегать меня. Мы никогда не говорили о том, почему она выбрала Артемиду, а не меня. Иногда я думала о том, чтобы добиться от нее ответа, но в конце концов, я предпочла не знать. Вряд ли мне станет легче, узнай я настоящую причину, по которой она оставила меня.

Я не умерла той ночью, но порой рядом с матерью мне казалось, что всё-таки умерла. Будто бы в ее мире не было меня, а отец был.

Теперь, когда моя мать стояла в дверном проеме, буквально излучая гнев, я чувствовала себя слишком заметной.

– Мама, – начала было Артемида, но мать взмахом руки словно мечом обрубила слова.

– Нина – не Истребительница.

В ее словах – ни тени растерянности или беспокойства. Мне хотелось согласиться с ней – я никогда не мечтала быть Истребительницей, – но то, с какой легкостью она отмела эту вероятность, вызвало во мне приступ подросткового бунтарства. Как и у моего тела, у него не было возможности тренироваться, но рефлексы оказались превосходными.

– Откуда тебе знать? – мой голос повысился на октаву. – Тебя там даже не было.

Мы не видели ее два месяца, и все это время я чувствовала себя иной, опасаясь, что в меня вселился демон или кое-что похуже – то есть Истребительница. Заметила бы она? Вряд ли. Но теперь она была здесь и рассказывала мне, как я себе чувствую, вместо того, чтобы спросить у меня. Совсем как в тот раз, когда она сказала, что я не подхожу для полноценного обучения на Наблюдателя. Как в тот раз, когда она сказала Артемиде, что та подходит. Насколько она контролировала и предопределяла нашу жизнь?

Она даже не спросила про адскую гончую. Как будто бы ей не было до этого дела. Может быть, и впрямь не было, раз дело касалось меня. Она любит, когда я незаметна.

Артемида развернулась к матери, спиной ко мне, исключая меня из разговора.

– Она убила адскую гончую! Если ты так уверена, что она не Истребительница, значит, дело в чем-то еще, и нам нужно разобраться с этим.

– Ты разочаровала меня, Артемида. Нина никогда не должна была оказаться в подобной ситуации. Она вообще никогда не должна была быть рядом с демоном.

– Я была всего в двадцати футах от замка! – я воздела руки к потолку. Они говорили обо мне так, будто бы меня рядом не было. – Артемида что, должна все время выгуливать меня на поводке? Она не может постоянно защищать меня! И по всей видимости, это и не требуется.

Артемида вздрогнула. Я не хотела обидеть ее. Я знаю, как серьезно она относится к роли моей защитницы. И я позволила ей принять эту роль без возражений. Возможно, это было ошибка – для нас обеих.

Я потянулась было рукой к ее плечу, но она скрестила руки на груди.

– Неважно, – сказала она. – Истребительница или что-то другое, мы разберемся.

Взгляд матери был направлен на стену позади меня. Ее лицо было напряжено от гнева. Мягкие каштановые волосы стянуты в строгий хвост, вокруг прищуренных серых глаз собрались морщины. Какое право она имеет сердиться на нас? Я ни в чем не виновата. Или она злилась оттого, что ей пришлось обратить на нас внимание? Затем я поняла, что… неужели из ее глаз текли слезы?

О Боже. Баффи. Истребительница. Мама утратила все по вине Истребительницы. Если мне тяжело думать о Баффи, то насколько же это должно быть труднее для моей матери?

– Мама, – выдавила я.

Она развернулась на остром каблуке, не давая мне продолжить.

– Мне нужно поговорить с Советом. Вам не надо приходить. Все выходы из замка перекрыты, так что оставайтесь здесь.

Мы с Артемидой переглянулись в замешательстве. Для меня не было ничего нового в том, что мама не обращала на меня внимание. Но наотрез отказаться от обсуждения чего-то столь серьезного – это чересчур даже для нее.

Недоумение моей сестры быстро сменилось негодованием.

– И все? Она возвращается и узнает, что в замок вломилась адская гончая и ты ее убила, после чего нас отстраняют?

Она вздернула подбородок.

– Мы идем на совещание.

– Мне казалось, что после приезда мамы нас там не ждут.

– Мы пойдем так, что она об этом не узнает.

Артемида поднялась, лицо ее было холодным и твердым, как каменная стена. Она выскочила из комнаты, я последовала за ней, озираясь по сторонам. Однако она пошла в противоположном от зала Совета направлении, в сторону спального крыла. Мы оказались в задней части замка, в запутанном лабиринте коридоров, соединяющих хитросплетение по большей части неиспользуемых комнат.

Имоджин высунула голову из своей комнаты. Я бывала там, только когда проводила обследование детей: измеряла рост, слушала сердцебиение, раздавала леденцы. Каждый раз, когда я это делала, я с нежностью вспоминала сестру Абрамс. Она обучала меня еще в нашем прежнем штабе. Сестра Абрамс носила передник с карманами, полными леденцов, хотя работала она в основном со взрослыми.

– Даже Наблюдателям нужны сладости, – сказала она мне однажды. – Думаю, им особенно.

В борьбе против Изначального Зла мы потеряли не только наш штаб. Мы потеряли и наше сердце.

– Что происходит? – Имоджин всегда выглядела изнуренной, но теперь поверх усталости отчетливо проступил страх. – Новое нападение? Ваша мать проходила мимо, но не заходила в спальни.

– Никаких нападений, – сказала я. – Мама просто… зашла поздороваться после возвращения.

Имоджин мне не поверила, и я не могла ее винить. Но ей хватило любезности притвориться, будто мама, которая заходит к нам справиться, как дела, – это обычное дело. Имоджин оглянулась через плечо: за открытой настежь дверью было видно, как Малыши собрались вокруг стола и что-то лепили из глины.

– Они не знают, что мы перекрыли все выходы. – Выдержав паузу, она упрямо выпятила подбородок, словно бросая нам вызов. – Мы ничего им не сказали. В их жизни было достаточно страха. Если дело примет плохой оборот, я просто запихну их в машину и уеду не оглядываясь.

Интересно, почему мы этого сразу не сделали. Но если мы потеряем Малышей, мы потеряем следующее поколение Наблюдателей. Вероятнее всего, последнее. И они не узнают о своем происхождении или о том, за что погибли их родители.

– Риз и Джейд патрулируют коридоры.

Артемида провела рукой по гладкой рации, прицепленной к ее поясу. До этого я не замечала ее, и меня тут же охватила зависть. Разумеется, мне рацию никто никогда не выдавал. Все, что у меня есть, – это местный мобильный телефон, он едва ловит сигнал. В половине случаев даже сообщения с него не доходят. Но я никогда не играла такую роль, как Артемида. Стала ли теперь моя роль важнее? И хочу ли я этого, если это означает быть?..

Я вздрогнула. Это слово тяжело произносить даже в мыслях.

Имоджин отрывисто кивнула.

– Как только будут новости об адской гончей, дайте знать.

Мы все знали, что Совет ничего ей не скажет. Пусть никто не дает мне рацию, но Совет точно так же игнорирует Имоджин. Она единственная, кто находится еще дальше, чем я, от центра внимания. Это довольно эгоистично, но я всегда радовалась, что она стоит ниже всех, хоть это и совершенно несправедливо. В противном случае мне пришлось бы застрять в няньках, и хотя Малыши мне нравятся, пожалуй, все-таки не настолько.

Артемида вела меня к закрытой части замка. Всевозможные следы давно минувших эпох – покрытый копотью ящик для инструментов, истлевший гобелен, футболка с грибами, скомканная в углу, и плюшевый кролик со вспоротыми хлопковыми внутренностями – захламляли пол. Миновав их, Артемида подошла к трухлявой двери шкафа и распахнула ее. За ней была кромешная темнота. Еще даже не ступив туда, я уже чувствовала, как паутина касается моей кожи. Я просто знала, что там обитают пауки.

– Идем, – позвала Артемида. Я вошла, вытянув руки, но не столкнулась с сестрой. Крошечный проблеск света, и я заметила руку, показавшуюся из отверстия в нижней части стены – отверстия, достаточного для того, чтобы в него пролез человек. Я бы никогда не догадалась туда заглянуть.

Фонарик нетерпеливо дернулся.

– Идем, – повторила Артемида. Я опустилась на колени и пролезла сквозь отверстие. Никакой паутины. Так что либо пауки тут не водятся, либо этим лазом часто пользуются. Я подозревала, что верно последнее. Но Артемида никогда о нем не упоминала.

Я обиделась. Может, мы и не из тех близнецов, что заканчивают друг за друга фразы, но мы не делаем тайны из наших – таких разных – жизней здесь, в замке.

Конечно, если не считать того, что я кое-что скрыла от Артемиды. Кое-что несравненно более важное, чем потайной проход. И все же я не смогла удержаться и спросила:

– Почему ты мне никогда не рассказывала об этом?

Она пожала плечами.

– Боялась, что это может вызвать у тебя приступ астмы.

После пожара у меня развилась легкая форма астмы. Но она могла бы по крайней мере сказать мне. Еще одно напоминание о том, что этот замок таит в себе больше, чем я когда-либо смогу узнать. Лаз впереди расширился, и мне наконец-то удалось встать в полный рост. Пространство было узким и холодным,

и вокруг было совершенно темно, если не считать крохотного фонарика Артемиды.

– Сюда, – прошептала она. Последовав за ней, я увидела, как проход изгибается и поворачивается. Иногда по обе стороны зияли черные провалы, указывая на существование других ответвлений.

– К каким комнатам они ведут? – прошептала я.

– Ко многим.

– Для чего тебе этот лаз?

– Чтобы шпионить.

– Правда?

– Меня зовут не на все собрания, но все их решения влияют на меня. Так что я сама себя зову. Кроме того, иногда мне не хочется, чтобы меня обнаружила Ванда Уиндэм-Прайс с ее бесконечным списком дел, которые она не желает делать сама. Так что я прячусь здесь.

Я представила, как Артемида сидит одна в этой черной пустоте, чтобы побыть наедине со своими мыслями, и моя обида угасла, словно Артемида выключила фонарик. Вот почему она никогда не делилась этим со мной. Это был не радостный секрет. Это был вымученный, холодный, темный секрет, а она всегда старалась защитить меня от подобных вещей.

Быть в центре событий – это не всегда привилегия.

– Осталось недолго, – сказала Артемида. Я положила руку ей на спину, следуя за ней, пока она уверенно выбирала нужный поворот. Рядом с нами показалась еще одна ниша, и тут ко мне бросилась чья-то фигура.

Я схватила пришельца за руку, развернула и прижала к стене.

Риз охнул:

– Это я!

Я осознала, что крепко держала его, рукой надавив на горло. Я отдернула руки, чувствуя, как от смущения горят щеки. Да что со мной такое сегодня, что моя первая реакция на все – это схватить, покалечить и убить?

Истребительница, прошипел мой разум.

– Ну спасибо, Артемида, – прошептал Риз.

– Ага, только это была Нина, – в голосе сестры слышалась досада.

– Прости, – я наощупь дотянулась до плеча Риза и сжала. – Я правда не хотела.

Я никогда ни с кем не дралась, никогда не нападала и…

Мимолетное воспоминание. Кладбище. Кол.

Но мне никогда не удавалось отчётливо вспомнить. Это так непохоже на ту, какой я стала. Может быть, память обманывает. Конечно же, это у Артемиды был кол, не у меня. Надо спросить у неё. Это внезапно показалось важным. Но мы редко говорим о нашем детстве, прямо посреди которого горел страшный пожар. Ни одна из нас не хочет об этом вспоминать.

Артемида притянула меня к себе. Риз встал по другую сторону от меня. Они прижали лица к стене. В камне были просверлены крошечные отверстия, из которых сочился свет. Настолько миниатюрные, что заметить их можно было, только если прижать глаз к одному из них. Что я и сделала.

Зал Совета. Наш наблюдательный пункт был расположен так, что нам были видны только спины членов Совета. Стоило мне взглянуть на них, как я поняла, чему – вернее, кому – посвящено собрание. Я горячо надеялась, что не все адские врата запечатаны, потому что больше всего я хотела провалиться в одни из них. Любое демоническое измерение лучше, чем реальность. Потому что перед членами Совета стояла Ева Сильвера.

И ее сын Лео.

Когда я впервые познакомилась с Лео Сильвера, я чуть не умерла. Нам нельзя было находиться на улице. Нам с Артемидой только что исполнилось двенадцать. Это был наш последний вечер вместе – Артемиды, Риза, Джейд и мой. На следующий день Риз должен был переехать в общее крыло и начать углубленные занятия для подготовки высших эшелонов. Я грустила и завидовала… и предвкушала. Ведь теперь Артемида должна была стать только моей. Мне не придется конкурировать за ее внимание с книгами и тренировками. Она бы продолжила работать, потому что ей нашли место, но это не то же самое, что полноценная подготовка Наблюдателей. Она должна была отойти на задний план. Как и я. Как Джейд, которая провалила испытание. Этому никто не удивился, но вот когда провалилась Артемида… никто не знал, как себя вести. И я меньше всех. Артемида никогда ничего не проваливала. Почему-то только Риза допустили до роли полноправного Наблюдателя, который в конечном итоге должен был войти в Совет. Что-то не складывалось. Да, Риз умен, но и Артемида умна. И она превосходила его в магии и боевых навыках всех направлений. Как же она провалилась?

– Хватит тормозить, – сказала Джейд. Она шла быстрым шагом, но я не спешила ее догонять. В конце концов, мы все вместе шли за мороженым.

Риз держался сзади вместе с нами, молчаливый и рассеянный. С момента прохождения испытания он старался не встречаться с нами взглядом. Я полагала, что он чувствует себя неловко, раз он прошел, а Артемида нет. На Артемиду испытание повлияло еще сильнее. Когда она вернулась, она выглядела… напуганной.

– Я не хочу быть Наблюдателем, – сказала она.

Но раньше она всегда хотела быть Наблюдателем. У меня в голове не укладывалось, что она не станет членом Совета в далеком будущем. В моих мыслях она уже им стала.

Когда я попыталась обсудить с ней испытание, она отказалась. Последние четыре года она всегда приходила мне на помощь, но теперь я не знала, как оказать ей такую же поддержку, поэтому я сделала вид, будто ничего не

изменилось. Она мне подыграла. Так было легче для нас обеих.

Я ненавидела себя за это, но втайне отчасти радовалась ее провалу. Мама никогда не позволяла мне тренироваться, поэтому я никогда не стала бы полноправным Наблюдателем. И я ревновала – ведь Артемида снова была избранной. А теперь нет. Я не говорила с ней об этом, не только потому, что не знала, как все исправить, но и потому, что не хотела, чтобы все исправилось. Мы окажемся на отшибе вместе. Вместе будем работать помощниками Наблюдателей. И ее не отнимут у меня ни оперативная работа, как это случилось с отцом, ни Совет, как это случилось с матерью.

Уличный воздух пах свободой. В общих спальнях пахло горелой пылью из-за древней системы отопления. От этого в носу и легких постоянно щекотало, и мне снились дурные сны. Как и от всего, что пахло дымом. К общежитию примыкало здание, где жили члены Совета. Некогда это был собор, и очень красивый – шпили, устремленные в небо, как предупреждение для ночных созданий.

Еще одним плюсом было то, что вампиры туда никогда бы не сунулись. Другое дело – темные, буйные заросли, через которые мы пробирались к ближайшей улице.

Нам не стоило удивляться, когда из-за дерева к нам шагнул вампир. Конечно же, это был вампир. Конечно же, он следил за владениями Наблюдателей, поджидая одинокого путника или легкую добычу. Нас было трое, но мы совершенно точно были легкой добычей.

По крайней мере я.

– Ложись! – Артемида толкнула меня на землю, стоило вампиру броситься в атаку. Она отскочила в сторону, отманивая его. Я знала, что должна побежать за помощью, но не могла пошевелиться. Страх и паника парализовали меня. Вампир убил моего отца. Другой вампир напал на нас на его похоронах. Неужели мы выжили только для того, чтобы нас сегодня убил третий?

– Джейд! – заорал Риз. Послышался звук удара, а затем кто-то рухнул рядом со мной. Риз. Он был без сознания.

– Нет! – Артемида прыгнула вампиру на спину. Он начал кружить, пытаясь ее сбросить. И он смеялся. Ему было весело.

Убедившись, что Риз еще дышит, я просунула руку во внутренний карман куртки. Мои дрожащие пальцы едва не выронили пузырек со святой водой, но мне удалось его откупорить.

Тем временем вампир схватил Артемиду и отодрал ее от спины.

– Хочешь защитить ее? – Он подтащил ее ко мне, обхватив рукой за шею. – Эту дохлячку? Я бы задержался с ней. Ты могла бы спастись. А теперь ты увидишь, как она умрет, а потом умрешь следом.

Артемида ответила, но ее сдавленный голос обращался ко мне, не к вампиру.

– Я больше не брошу тебя.

Вампир приблизился. Глаза Артемиды наполнились слезами – и страхом. Но они не были отражением моих. Потому что в них читалась еще и ярость, пугавшая меня больше, чем монстр, который схватил ее. Вампир улыбнулся. Он держал Артемиду надо мной, так близко, что я слышала каждый напряженный вздох.

Я метнула святую воду. Вампир едва вздрогнул.

– Хочу, чтобы ты была достаточно близко и слышала, как жизнь покидает ее тело, – сказал он Артемиде. Она закрыла глаза. Она не хотела смотреть, как я умираю. От этого я почувствовала себя еще более одинокой.

На секунду на лице вампира вспыхнуло удивление, а затем он исчез в облаке пыли. Я лежала на земле, кашляя и давясь этой пылью. Артемида поползла ко мне, но я не отрывала глаз от нашего спасителя.

Он был старше нас, но все же довольно юный. Подросток. Темные волосы вились до плеч, темные брови, полные губы. Он был прекрасен. И спас меня. Он протянул мне руку, его длинные пальцы были мягкими и прохладными. Мы не умрем. Только благодаря этому юноше.

– Я Лео Сильвера, – сказал он, будто мы познакомились в кафе. – Я буду помогать Ризу проходить обучение.

– Я Афина, – с трудом произнесла я, легкая астма дала о себе знать. Не знаю, почему я представилась таким образом. Никто никогда не использует мое настоящее имя. Но мне хотелось казаться старше и увереннее, чем я себя ощущала. Что было затруднительно, учитывая, что мне было трудно дышать.

– Все зовут ее Ниной, – подала голос Артемида, которая ощупывала голову Риза. Этим должна была заниматься я, но я была слишком озабочена собственным дыханием. Прибежала Джейд. Она вернулась то ли слишком поздно, то ли как раз вовремя.

Лео не обратил никакого внимания на Артемиду, сосредоточившись на мне.

– Просто дыши. Вдох-выдох, вдох-выдох. Все будет хорошо.

– Обещаешь? – прошептала я.

– Обещаю, Афина.

Его улыбка была нежнее и темнее, чем окружавшая нас ночь. В эту улыбку хотелось завернуться, и я мечтала, чтобы то чувство, которое она во мне пробудила, осталось со мной навсегда.

– Итак, куда же мы собирались?

– За мороженым.

– Великолепно. Обожаю мороженое.

Пока Лео вел нас за собой, ночь не таила опасностей. Он купил мне двойную порцию мятного мороженого с шоколадной крошкой, и не прошло и часа, как мы все смеялись над историей про демона хаоса, который завел собственную химчистку, чтобы чистить одежду от собственной слизи. Мы и думать забыли, что находились на волосок от смерти.

Когда моя мама об этом узнала, на следующие полгода мне запретили покидать общую спальню, но я не возражала. Каждый раз, когда в моих кошмарах передо мной возникал вампир, позади него появлялся Лео и спасал меня.

Учитывая, как все началось, что удивительного в том, что я мучительно влюбилась в него? И разве удивительно, что все закончилось катастрофой?

Глава 5

– РАЗУМЕЕТСЯ, МЫ ИСКАЛИ ВАС, – сказала Ева Сильвера. – Но замок исчез с того места, где он находился веками. Мы решили, что он был уничтожен, как и все остальное. Представьте только, как мы были поражены, когда Хелен отыскала нас в Коста-Рике! Мы считали, что мы единственные выжили.

Странно было слышать, как мою маму запросто называют по имени – Хелен. Словно она была настоящим человеком.

Я и думать забыла, как выглядит Ева Сильвера. Наши пути редко пересекались. Я обращала на нее внимание только потому, что она была матерью предмета моего обожания. Она была высокой и держалась очень уверенно. Ни малейшего смущения. Она надела красный пиджак с прямыми черными брюками, ее каблуки поражали агрессивной элегантностью. В сочетании с красной помадой и черными волосами она выглядела воплощением всего, к чему я когда-либо стремилась (и, скорее всего, никогда не достигну). Ее голос звучал так, будто она вот-вот рассмеется. Он смягчал ее образ, делал ее более человечной.

Я не помнила этих деталей. В моих воспоминаниях она была просто… высокой.

А Лео, к моему сожалению, выглядел совершенно таким же, каким я его помнила. Волосы волнами спадали на плечи. Черные дуги бровей очерчивали огромные темные глаза. Я провела бессчетное количество часов, созерцая эти глаза. Представляя, что они устремятся ко мне. Как они расширятся, когда он осознает, что мы созданы друг для друга.

Я не единожды думала о его губах – на самом деле я никогда не переставала о них думать. Они воспевались в одном из стихотворений, которые вслух зачитала Гонора.

Меня твои губы

Сводят с ума.

Они обещают мне

Ночи без сна.

Воспетыми мной губами он теперь отвечал на вопросы о Коста-Рике. Я была возмущена тем, что Совет тянет время. Разве они не собирались обсуждать адскую гончую? И меня? Даже когда я совершаю что-то невероятное, полноправные Наблюдатели все равно получают преимущество. Ничего нового.

Впрочем, Лео изменился. В конце концов, прошло несколько лет. Он стал выше. И хотя он всегда был стройным, на смену юношеской худобе пришли мускулы, а черты лица стали еще выразительнее. Одним словом, он был прекраснее, чем когда бы то ни было.

Что за немыслимый придурок.

Он открыл свой дурацкий рот и ответил своим дурацким голосом на следующий вопрос: как он проводил время в Южной Америке.

– Да, сэр. Я продолжил обучение. Конечно, нам приходилось быть изобретательными, ведь у нас не было тех средств, которыми располагает Совет. Мой исследовательский проект был скорее практического характера, нежели научного. Я изучал повадки паразитического демона в Венесуэле и разработал магическую инъекцию, которая лишила его возможности питаться людьми, так как он умер.

– Чем вы здесь занимались? – спросила Ева Сильвера. Она вела себя так мило, что мне было неловко злиться на нее. Но мне хотелось, чтобы они уехали. Я не думала, что они надолго задержатся здесь. Лео, скорее всего, отправится по следам Гоноры – охотиться на демонов, держа ухо востро на случай, если грядет что-то важное. В конце концов, что такое Наблюдатель без…

– Истребительниц? – спросила Ева, закончив мою мысль. – Вы хотите сказать, что здесь нет ни одной из новых Истребительниц? Чем же вы занимались все это время?

– Нам нужно было позаботиться о детях, – пророкотал Брэдфорд Смайт. Его голос такой низкий, что кажется, будто он ворчит, даже когда он в приподнятом настроении – и это явно не тот случай.

– Да, но в детях у нас недостатка никогда не было. Мы все, что осталось от Наблюдателей. Наш долг – это наше дело, а наше дело невозможно без Истребительницы.

Слово взяла мама. В детстве я не замечала ее британский акцент, но теперь ее речь была отрывистой, слова – чеканными. Гласные звучали совершенно отчетливо. Даже голос ее изменился с тех пор, как мы присоединились к Наблюдателям.

– Нашим приоритетом была безопасность. Мы не могли рисковать и раскрыть наше местонахождение после нападения. Появилось столько Истребительниц, что невозможно было провести тщательный отбор. А затем мир снова изменился после уничтожения магии.

– Но ты же искала Истребительниц, – сказала Ева. – Там мы и встретились, рядом с деревней этой бедной девочки. Мы все опоздали.

Мама ответила, тщательно подбирая слова, словно по принципу «чем бессмысленнее, тем лучше»:

– Я проводила полевые наблюдения, связанные с Истребительницами, параллельно с подтверждением запечатывания всех точек доступа к демоническим измерениям.

Артемида возле меня дернулась. Мы обе знали, как мама умеет дать уклончивый ответ, чтобы избежать прямой лжи. Зачем она сказала нам, что осматривает адские врата, если на самом деле она разыскивала Истребительниц?

– У тебя осталась магия, Ева? – дрожащим голосом спросила Руфь Забуто.

Ева слегка покачала головой, словно извиняясь.

– С тех пор как Баффи уничтожила Семя Чудес, мы не нашли ни единого следа магии. Все наши порталы закрылись. Мы тоже перемещались от места к месту и проверяли их, чтобы ничего не упустить.

– Удивительно, как это мы не встретились раньше, – и снова мать так тщательно подобрала слова, что я заподозрила, что за ними что-то скрывалось.

Ванда Уиндэм-Прайс откашлялась.

– Перепроверить лишний раз не помешает. Отличная работа.

Прозвучало так, будто Сильверы действовали по ее приказу. Ей всегда удается строить фразы так, что кажется, что все и всегда работают на нее.

– Надеюсь, в скором времени мы получим от вас письменный отчет.

Меня все еще бесило, что эта тема оказалась важнее, чем сегодняшнее нападение адской гончей, но по всему миру разбросаны сотни стационарных порталов. Мама осмотрела только Великобританию и Америку – Северную, Центральную и Южную. Столько еще предстоит сделать. Цель. Цель, благодаря которой Сильверы уедут, и мне не придется смотреть в глаза Лео.

Ведь его глаза – два бездонных колодца, такие темные и глубокие, что, когда я смотрю в них, я забываю дышать. О, как же я ненавижу его. И ту злосчастную тринадцатилетнюю версию себя.

– Сопоставив информацию от Хелен с нашей, мы можем официально признать все адские врата и демонические порталы неактивными. Теперь, когда мы воссоединились, пора двигаться дальше. Снова стать Наблюдателями, – сказала Ева, и мои мечты об их скором отъезде разбились вдребезги. – Пришло время найти Истребительницу.

– Она у нас уже есть, – Руфь Забуто небрежно взмахнула рукой.

Брэдфорд Смайт непроизвольно закашлялся.

Первой заговорила мать, ее голос больше не звучал бесстрастно:

– У нас ее нет.

Ванда Уиндэм-Прайс бросилась в атаку. Она всегда ненавидела нашу мать. Когда- то Уиндэм-Прайсы были самой уважаемой семьей Наблюдателей, но затем их золотой мальчик, Уэсли Уиндэм-Прайс, – эта семейка помешана на созвучиях и на чувстве собственного превосходства, – потерпел столь сокрушительную неудачу, что его выгнали из Совета. Ванда так никогда и не оправилась от негодования из-за того, что мой отец в качестве Наблюдателя пользуется уважением, тогда как единственный из Уиндэм-Прайсов, кто когда-либо работал напрямую с Истребительницей, в конце концов стал частным сыщиком в Лос-Анджелесе – работая на вампира.

Вот почему Ванда наслаждалась, чувствуя, что задела мою мать за живое.

– Да! У нас есть причины подозревать, что наша Нина – Истребительница.

Лео вздрогнул. Он посмотрел на мать, но она не обратила на него внимания. Он явно был огорчен этой новостью, но я едва успела это заметить, потому что Риз, охнув, повернулся ко мне. Я не знала, что ему ответить, поэтому промолчала, продолжая следить за происходящим в комнате.

– Представьте, – сказала Ванда, – каково ее матери: она даже не подозревала, что Нина может быть потенциальной Истребительницей. Изменение должно было случиться не менее двух месяцев назад. Как странно, что ты не заметила ничего существенного, Хелен.

Моя мать не поддалась на провокацию. Но ее неподвижность – такой же знак, как если бы она заламывала руки. Она в гневе. Небольшая, злая часть меня ликует. Она не захотела обсуждать это с нами, но она не может играть в молчанку с Советом.

– Чушь. Наши провидцы заметили бы Нину. И она всего лишь убила адскую гончую. Каждый член нашего сообщества должен уметь делать такое. Это

ничего не значит.

Ее пренебрежительный тон снова пробуждает во мне протест. Она отлично знает, что меня никогда не обучали. Она запретила мне. И она знает, как я отношусь к насилию. То, как именно я убила адскую гончую, заслуживает внимания. Словно что-то, крепко спавшее во мне, пробудилось, как только появился повод. Что-то ужасное, могущественное и пугающее. Что-то, что я не могла контролировать.

Брэдфорд Смайт повернул голову, так что я могла разглядеть его профиль. Плотно сжатые губы исчезли под усами. Он вздохнул.

– Прости, Хелен.

– Не смей, – сказала она. Я вздрогнула от ее тона, но Брэдфорд не обратил никакого внимания.

– Слишком поздно, – он помедлил. Мое сердце билось так сильно, что удивительно, как это не услышали за стеной. Затем он потянул себя за ус и продолжил. – Мы всегда знали, что Нина – потенциальная Истребительница.

Риз охнул еще громче. Артемида выругалась. Но стены толстые, а члены Совета сами были заняты тем, что на разные лады выражали удивление. Я отшатнулась, и картинка исчезла. Это не могло быть правдой. Просто не могло.

Они бы мне сказали. Молчать не имело смысла. Я Наблюдатель! Разве они согласились бы вырастить потенциальную Истребительницу в своем кругу?

А моя мать так старалась не дать мне пройти обучение. Она утверждала, что я не подхожу. Не давала мне получить даже базовые навыки борьбы для Наблюдателей и подталкивала меня к врачеванию. А Артемида проходила боевую подготовку.

Брэдфорд Смайт снова заговорил, и я постаралась сосредоточиться на его словах, не обращая внимания на отчаянное сердцебиение и разбегающиеся мысли.

– Это было одной из причин, почему дети находились здесь, когда на наш главный штаб напали. Ходили слухи, что над потенциальными Истребительницами нависла угроза, так что Хелен взяла младших учеников с собой, чтобы до Нины не добрались.

То есть мы не просто так оказались вдалеке во время нападения. Они защищали меня. Но к чему такие предосторожности, если они вовсе не собирались обучать меня или вообще когда-либо открыть мне правду?

– После того как магия была уничтожена и линия Истребительниц пресеклась, – продолжил Брэдфорд, – мы решили, что ее потенциал не раскрылся и она никогда не станет Истребительницей. Получается, мы ошиблись.

Артемида и Риз застыли. В темноте я чувствовала, как они не сводят с меня глаз, не обращая внимания на комнату. Подозревать, что я Истребительница, – совсем не то, что знать наверняка. А уж узнать, что это совсем не новость, просто ее нарочно скрывали от меня, – и заодно от большинства членов Совета? Это не просто шок. Это предательство.

– Ты забыла предупредить Совет, что твоя собственная дочь – потенциальная Истребительница? – Ванда Уиндэм-Прайс не столько злилась, сколько торжествовала. – Это заслуживает общего порицания и пересмотра твоего членства в Совете. И твоего тоже, Брэдфорд, раз ты участвовал в сокрытии правды.

– Какого еще Совета? – фыркнула Руфь Забуто. – Мы что, выгоним Хелен? Разжалуем Брэдфорда? За что? Довольно уже той глупости, что мы не позволили нашей дорогой Артемиде стать полноправным Наблюдателем. Нас осталось так мало, что испытание уже не играет никакой роли. А ты, Ванда, можешь убираться на все четыре стороны со своими правилами. – Она принялась за вязание, качая головой.

Ванда Уиндэм-Прайс разъярилась.

– Я не потерплю, чтобы это вопиющее нарушение наших стандартов осталось без последствий. Без наших правил мы ничто. Они все еще что-то значат.

– Девочка жива благодаря этой предосторожности, – Брэдфорд Смайт говорил тихо, но твердо. – Я полагаю, что одно это оправдывает поступки Хелен. Я на ее стороне – и сейчас, и тогда.

– И это означает, что у нас есть Истребительница. – глаза Евы сияли. Она приложила руку ко рту, и я была готова поклясться, что на глазах ее выступили слезы. – Прямо здесь. Одна из нас.

Моя мать поднялась, отодвинув стул назад.

– Она не наша. Она моя. Снаружи есть тысяча других девчонок. Если вам нужна Истребительница – идите и найдите настоящую.

И с этими словами она покинула комнату.

Я почувствовала мягкое прикосновение к плечу. Мне хотелось сбросить руку. Притвориться, что слова моей матери – и все эти откровения – ничего не значат.

Но если слезы в глазах Евы мне только почудились, то в моих они стояли совершенно точно.

– Нина, – сказала Артемида.

– Ты должна… – начал Риз, но я не стала его слушать.

– Я не могу сейчас это обсуждать. – Физически. Я не понимала, как я должна себя чувствовать, не говоря уж о том, чтобы облечь эти эмоции в слова. Я была напугана, растеряна, в гневе. Вся моя жизнь оказалась ложью.

– Мне нужно побыть одной.

Спотыкаясь в темноте, я была почти уверена, что заблудилась и умру среди этих стен, но в конце концов я наткнулась на тупик и заметила свет, пробивавшийся из прохода.

Вернувшись в свою комнату, я бросилась на кровать и, глотая слезы, уставилась на металлический вентилятор под потолком. Это самая дорогая покупка,

которую нам позволила мать. Мы с Артемидой наточили его лопасти. Мы внесли и другие изменения в комнату. Повсюду стоят снежные шары, наполненные святой водой, кислотой и горючей жидкостью. Ножки стола, заостренные как колья, легко снимаются. Каждую комнату, где мы с Артемидой обитали, мы методично превращали в оружейную. Чтобы я могла чувствовать себя в безопасности. Чтобы у нас было оружие, даже если я не умела им пользоваться.

Но что, если теперь я сама – оружие?

Изменилась не только вся моя жизнь, но и все мое прошлое. Все по-другому. Мама знала – всегда знала. И все равно выбрала Артемиду. Она все равно отправила Артемиду на обучение, чтобы она стала лучшей из нас двоих. Думала ли она – надеялась ли? – что провидцы ошиблись, что Истребительницей должна была стать Артемида, а не я? Или она знала, что это я, и ненавидела меня за это?

На тумбочке пропищал мой телефон. Вытерев глаза, я увидела на экране несколько отчаянных сообщений от Киллиана. Обычно он пишет мне только тогда, когда ему нужно что-то передать Ризу или он собирается доставить припасы.

Но эти сообщения были адресованы мне.

Нина срочно зайди ко мне

Сейчас же

Боже Нина умоляю

Одна

Не могу говорить пожалуйста умоляю срочно

По венам разливался адреналин. Я схватила ботинки и побежала.

Глава 6

БЫЛО ЧУТЬ ЗА ПОЛНОЧЬ. Единственным источником света была почти полная луна. От этого бледного освещения тени казались еще чернее. Кожа под вязаным свитером зудела, в ушах звенело, пока я неслась сквозь лес, вздрагивая от каждой хрустнувшей под ногой ветки и от шелеста опавших листьев. Я чуть из кожи вон не лезла, пытаясь добраться до Киллиана как можно скорее, – так меня встревожили его сообщения.

Один демон на самом деле способен вылезти вон из кожи, отсюда и поговорка. В случае опасности – или при сильном удивлении – демон выпрыгивает из собственной шкуры и убегает, совсем как некоторые ящерицы сбрасывают хвост. Мне однажды попалась такая картинка в книге, и я очень надеялась, что мне не придется увидеть это воочию.

Сначала я взяла медленный разбег – мама всегда настаивала, чтобы я не перетруждалась, поэтому до города я всегда добиралась размеренным шагом, – но затем начала прибавлять в скорости, все быстрее и быстрее. Пытаясь убежать прочь от себя – той себя, какой меня всегда считала мама. Девушки, которой противопоказаны стресс и паника. Девушки, которая не должна перенапрягаться.

Я споткнулась, когда все вдруг встало на свои места – как меч в ножны. Она пыталась не дать раскрыться моему потенциалу Истребительницы. Я считала, что она хотела оградить меня от стресса, потому что чувствовала свою вину за пожар. Но ведь те, у кого есть потенциал, становятся Истребительницами, когда достигают физической зрелости и сталкиваются с ситуацией, которая пробуждает их. Она старалась сделать так, чтобы этого никогда не произошло. Для того чтобы выдернуть меня из тепличного, безопасного бокса, в который она меня поместила, потребовался демон из другого измерения. Если бы не он, я никогда не стала бы Истребительницей.

И я не знала, что хуже – никогда не узнать эту тайну или стать Истребительницей.

Я бежала так стремительно, что деревья в лесу превратились в размытое пятно, вызывая головокружение. Впервые в жизни я понятия не имела, каковы мои физические пределы. Мне не хотелось проверять, потому что любое усилие, бег на предельной скорости делал реальным тот факт, что я Истребительница. А я этого не желала.

Когда я остановилась у дома Киллиана, он уже ждал меня. Потрясение на его лице было созвучно моим чувствам.

– Что случилось? – Я окинула его взглядом в поисках ран, но не нашла физических повреждений.

– У меня, гм, проблема. Мне надо показать тебе кое-что во дворе.

Киллиан жил в коттедже на окраине Шанкума, примыкавшем к лесу. На небольшом заднем дворе возле забора приютился крепкий сарай. Два года назад наш замок упал посреди леса, но никто из местных жителей так и не обнаружил его. Раньше у нас были охранные заклинания, но оказывается, люди просто крайне нелюбопытны, когда дело касается леса.

Я всего пару раз бывала у Киллиана, но мне у него нравилось. Это настоящий дом. И хотя умом я понимала, что жить в замке – это классно, всякий раз, когда я заходила к Киллиану, я чувствовала тепло и комфорт. Уютное, обустроенное пространство, где вы живете вместе с теми, кого любите. Здание, единственное назначение которого – заботиться о вас.

Конечно, в последнее время в доме Киллиана было довольно пустынно. Его мама уехала шесть недель назад. Я старалась не расспрашивать его – это не мое дело, да и по тому, как мягко вел себя Риз, можно было догадаться, что это не самая приятная тема. Я кое-что вспомнила.

– Почему ты не позвал Риза?

Киллиан беспокойно подпрыгивал на цыпочках, глядя сквозь открытую дверь тускло освещенного дома в сторону темного, обнесенного забором двора.

– Э-э-э… Тебе надо это увидеть. Тогда ты сама поймешь.

Вслед за Киллианом я прошла через дом к заднему двору, и любопытство во мне боролось с волнением. Он включил прожекторы на заднем дворе. Он и впрямь чем-то обеспокоен, раз…

Я резко выбросила руку перед Киллианом, каждый мускул пришел в боевую готовность, каждый нерв в теле словно кричал «бей или бей», забыв о «беги».

Там был демон.

На траве без сознания валялось долговязое нечто в футболке Coldplay и обтягивающих джинсах. Нечто с кислотно-желтой кожей, черными рогами и черными же губами. Лицо демона в синяках опухло, сквозь порезы на чешуйчатой щеке проглядывала кость. Из-под одежды виднелись другие раны. Рука была повернута под углом, казавшимся слишком неестественным даже для демона.

Итого: два демона за двадцать четыре часа. Угроза моей семье. Моему дому. Моим друзьям. Ослепительная ярость охватила меня, и я сделала шаг по направлению к демону.

– Это же демон, да? – Голос Киллиана выдернул меня из яростного оцепенения. Я моргнула, стараясь избавиться от рева «убей-убей-убей» внутри. Он казался чужеродным, как будто мой мозг проигрывает незнакомую песню. Как-то раз, когда мы еще жили в Лондоне, Артемида и Джейд тайком притащили меня на концерт. Басы были такими мощными, что я чувствовала, как они отдаются внутри меня, соревнуясь с моим сердцем. Что-то похожее происходило и теперь. Как будто мое сердце больше не было моим. Его биение стало чужим.

Истребительница, прошептало что-то глубоко внутри меня. Я заталкиваю этот голос еще глубже.

Киллиан был перевозбужден. Его широко распахнутые глаза в темноте дома казались сияющими. Он не стал переступать порог двери, которая вела во двор.

– Вы, ребята, рассказывали о демонах, но я на самом деле не поверил вам. Эта тварь сегодня могла быть просто бешеной больной собакой, или волком, или гиеной. В Ирландии. Но это? Теперь я вам верю.

– Ты что-нибудь сделал? – я повернулась к нему. – Призывал их? Как?

Призыв не должен больше работать. Все порталы закрылись, магия, которой можно было приманить демона, разрушена.

– Нет, господи, конечно, нет. Зачем мне это? Я только час назад нашел эту тварь. Мне не спалось, и я решил вынести мусор, пока помню.

Хотя тот факт, что оба демона появились около Киллиана, не ускользнул от моего внимания, я все равно верила ему. Киллиан всегда помогал нам. Если бы он хотел навредить, если бы у него были какие-то зловещие скрытые мотивы, он мог бы сделать это гораздо раньше. И я знала, что он любит Риза. Они так смотрят друг на друга, что у меня становится сладко во рту.

– Хорошо. Итак. У тебя во дворе демон, – я нервно вцепилась в волосы. – Зачем ты попросил меня прийти? Это из-за того, что я убила… из-за того, что я сделала с другим?

Такова теперь моя роль? Девушка «зарежь и прикончи»?

Или «сломай шею», раз у меня вообще-то нет оружия. Мне понадобится оружие, если демоны собираются возникать из ниоткуда. Обычно я ношу с собой кол – это как любимая игрушка, только она еще и убивает, – но кол – это не универсальное оружие для истребления демонов.

Киллиан покачал головой.

– Нет, не поэтому. Ну, может быть, и поэтому тоже. Я не хочу, чтобы кто-то пострадал. Мы ничего не знаем об этом существе.

– Мы знаем, что это демон.

– Да, но на нем, блин, футболка Coldplay! Как кто-то, кто носит футболку Coldplay, может быть плохим?

В чем-то он прав.

– Тогда почему ты позвал меня?

– Потому что ты лечишь людей. Ты вечно смотришь эти жуткие курсы по оказанию первой помощи. И заказываешь мне медикаменты. Ты умеешь помогать людям. Я подумал… – Киллиан дернул плечом и немного застенчиво продолжил, пока мы оба смотрели на радиоактивно желтого демона: – Я подумал, что ты можешь помочь.

Меня окатило волной облегчения и благодарности. Киллиан не просил меня кого-то убить. Он просил меня помочь кому-то. Мне захотелось обнять его за то, что он мой друг, за то, что он думает обо мне так же, как я думаю о себе: как о лекаре. Я девушка, которая может все вылечить. А не та, что все разрушает.

Я почувствовала себя виноватой за то, что моей первой реакцией было желание напасть.

Я решила по крайней мере дать ему шанс ради Coldplay. Быть Истребительницей – не значит убивать все, что движется.

Вообще-то я понятия не имею, что значит быть Истребительницей. И мне плевать. Я Наблюдатель, так что я поступлю с демоном так, как поступают Наблюдатели. Сначала нужно изучить его, прийти к обоснованному заключению, а затем решить, что делать дальше. Метод Наблюдателей в лучшем виде, я годами пыталась донести это до Артемиды. Наша роль не имела никакого отношения к насилию.

Я указала в сторону сарая.

– У тебя есть что-то, чем можно его связать?

Киллиан прищурился, затем щелкнул пальцами.

– Вообще-то да, есть. Поможешь донести?

Пока он открывал дверь сарая, я пересекла двор и схватила демона за руки.

– Фу-у, – воскликнула я, отдергивая руки, словно обжегшись. Киллиан в ужасе развернулся.

– Он липкий. Гадость-то какая, он липкий!

Поежившись, я постаралась взяться за прикрытые одеждой части тела. Попытавшись поднять демона, я чуть не подбросила его в воздух. Это намного проще, чем я думала. Но внезапно обретенная сила не доставила мне радости. Еще одно напоминание о том, что мое тело стало мне чужим.

– Как? Как ты это делаешь? Этот демонический чувак сделан из гелия или что?

Я снова осознала всю омерзительность того, что держала на руках.

– Открывай сарай! Боги, вся эта липкость течет по моей футболке. А это моя любимая футболка. Мне придется ее сжечь. И мою кожу. И все прочее. Да поторопись ты уже!

Стоило Киллиану открыть дверь, я проскользнула мимо него и без особых церемоний швырнула демона на пол.

Киллиан, казалось, больше испугался меня, чем демона.

– Ты тащила это… это существо, будто это мешок с… с чем-то легким. А до этого ты вела себя как Терминатор с этой адской гончей. Ты никогда не была такой. Что-то произошло, когда ты убила это псиное отродье?

– Отродье – это демон. Как и вот это полинявшее рогоносное существо.

– Ты можешь называть его рогатым, а не рогоносным? На сегодня мне уже хватило всяких мерзостей.

Киллиан поднял цепь, свисавшую с потолка возле голой лампочки, которая придавала всему желтоватый оттенок. Сарай матери Киллиана захламлен, словно книжные полки Риза, он хранит по меньшей мере десяток разных жизней. Ловцы снов, статуэтки Будды, кристаллы и ладан, стопка Библий и рядом что-то похожее на Книгу Мормона, и в довершение – полное собрание

саентологических сочинений Рона Хаббарда, несколько статуй богов и богинь из разных религий и культов и полная корзина всяких программ, посвященных охоте на призраков и спиритизму.

– Добро пожаловать в сарай культурной апроприации! – Киллиан разводит руками с мрачным видом. – Хорошо хоть, мама сейчас навещает монахов-аскетов, так что в этот раз обойдемся без сувениров. Мы уже завалены мусором.

Посреди всего этого хаоса единственная чистая вещь – фото в рамке. Отец Киллиана. Я никогда раньше его не видела. Я взяла фотографию и присмотрелась.

– Он умер двенадцать лет назад, – сказал Киллиан. – А она до сих пор пытается установить с ним связь. С тех пор, как магия исчезла, она отчаялась найти другие способы.

– Трудно винить ее. Он красивый. Немного похож на Орландо Блума.

– Черт возьми, Нина! Орландо Блум? – Киллиан выхватил фото у меня из рук. – Я теперь не смогу перестать об этом думать! Мои чувства к умершему отцу и так были сложными, а теперь я должен волноваться, что у меня эдипов комплекс, или как там называется, когда сын западает на собственного отца. Клянусь богом, если ты проронишь еще хоть слово о красивых мужчинах в связи с моими родственниками, я никогда больше с тобой не буду разговаривать.

– С тобой все в порядке! Прости. Он ни капли не похож на Орландо Блума. Или на любого другого человека, от которого ты когда-либо сходил с ума.

– Просто замолчи, а я поищу наручники.

Я оторвала взгляд от отца Киллиана – он просто вылитый Орландо Блум – и стала ждать, следя за демоном.

– Вот они! – Киллиан победно потряс парой наручников. Они хранились в коробке с именем его отца. Там лежали стопка фотографий, трехмерная металлическая головоломка из сцепленных треугольников, тяжелое кольцо и несколько фотоснимков. Я подумала, что Киллиан, должно быть, часто рылся в коробке, раз

он знал, где лежали наручники.

У нас с Артемидой не осталось ничего от отца. Отчасти поэтому я так люблю библиотеку. Мы хотя бы изучали те же книги, смотрели на одни и те же страницы.

Я взяла наручники, слегка потянув за металлическую цепь, опасаясь, что я могу ее сломать, если перестараюсь.

– Нужно ли мне знать, откуда здесь наручники?

– Хватит придумывать гадости про моих родителей!

– Извини! Прости. День был сложный. – Я помолчала. – Но правда же, зачем им наручники?

– Мой отец был волонтером в местной полиции. Я в детстве играл с ними, так что знаю, что они настоящие.

– Отлично.

На опорной балке в задней части сарая был свободный промежуток. Для проверки я потянула балку на себя, и она едва поддалась. Так что если демон не окажется сильнее меня, этого достаточно. А если окажется – что ж, нас и без того ожидают проблемы.

Я подтащила демона поближе и приковала запястьями к балке. Затем связала лодыжки веревкой, которую нашла на полке: предосторожность не повредит. Я помедлила, глядя на запястья: застарелые синяки и ссадины указывали на то, что я не первая, кто связывает демона.

Это обескураживало. Мне не хотелось причинять ему еще больше боли. Мне нужен Риз. Он чокнутая ходячая энциклопедия демонов и их разновидностей. Я делала все свои домашние задания – всегда, полностью, – но Ризу Совет давал информацию, которую мне знать было необязательно. И кроме того, я всегда изучала главным образом людские тела. Насколько мне было известно, этот демон мог силой мысли зажигать огонь, и стоит ему прийти в сознание – мы

трупы.

Я задела запястья демона, и он застонал от боли. Голос тихий и беззащитный. Я чувствовала это, но не могла бы объяснить. Я знаю, что значит быть раненым, нуждаться в помощи. В это мгновение я решилась. Я не могу позвать Риза, потому что он сообщит в Совет, а учитывая сегодняшнее нападение адской гончей, они явно будут настроены на режим «сначала убей, затем задавай вопросы». Я не хотела, чтобы из-за меня умер еще кто-то.

Киллиан убрал со стола стопку позолоченных религиозных книг и сел. Я наклонилась к демону так близко, насколько мне хватило духу. Рана на лице выглядела не очень хорошо. Из нее сочился и капал на цементный пол черный гной. Я оглянулась в поисках аптечки, но сарай – это свалка, и в нем не хранят ничего полезного. Если только я не собираюсь узнать Семь Секретов Успешных Заклинателей Духа. Секрет первый: живи в мире, где магия не разрушена.

– У тебя есть аптечка? Я не знаю, могут ли демоны подхватить инфекцию, но я бы предпочла обработать рану и перевязать ее. И я постараюсь вылечить руку. Мне кажется, она вывихнута. Если это перелом, то тут от меня помощи мало.

Киллиан кивнул, явно радуясь тому, что я дала ему задание. Он поспешил прочь из сарая. Я не должна лечить демона. Но я мучилась, видя столь травмированное и беспомощное существо. Зная, как легко – и как охотно – я бы нанесла ему увечья. И кроме того, если демон умрет от болевого шока или от инфекции, мне едва ли удастся выудить у него информацию. Мне необходимо было знать, откуда он здесь взялся. Почему появилась адская гончая. Кто стоит за этим – если кто-то стоит. И угрожает ли замку что-то еще, или это просто огромное, отстойное и липкое совпадение. Едва ли, но надежда умирает последней. Может, я и почувствовала сострадание к демону, но я не тупая. Это все-таки демон.

Я осмотрела видимые участки тела – раздевать его не хотелось, мое сочувствие так далеко не распространялось. Осмотр показал – пара порезов, несколько синяков и вывихнутая рука.

Прежде чем я успела передумать, Киллиан вернулся с аптечкой.

– Что же, – я встряхнула руками, чтобы успокоиться. – Если он проснется, будь готов ударить его по голове чем-нибудь тяжелым.

– То есть ты собираешься его подлечить, и если получится, то мы снова его покалечим?

– Я не знаю! – Я полила руки спиртом. – Наверное, только в том случае, если он попытается напасть. Для меня все это тоже в новинку.

– Прекрасно, – Киллиан поднял огромные металлические клещи. – И прежде чем ты продолжишь свои гнусные инсинуации, это осталось с тех времен, когда мама увлекалась шитьем.

Я налила немного спирта на бинт, затем, решив, что не стоит тянуть, плеснула жидкость прямо на рану. Демон вздрогнул – Киллиан поднял клещи, – но не пришел в себя. Я осторожно прикрыла порез и заклеила его.

Левая рука демона выглядела совершенно не так, как правая, – и это было плохо.

– Тебе не кажется, что это вывих?

– Я не знаю!

– Вот дерьмо, – простонала я. Мне придется миллион раз помыться в душе, чтобы избавиться от ощущения его кожи. Положив руку на плечо демона, я схватилась за его руку и потянула. Я услышала хруст, и сустав вернулся на место. Демон вздрогнул. На секунду он распахнул глаза, и я была готова поклясться, что он прошептал «Спасибо», прежде чем снова обмяк и потерял сознание.

Но мне могло показаться. Я была слишком озабочена хрустом плеча. Он напомнил мне о шее адской гончей. Один щелок – и что-то сломанное встает на место, один щелчок – и что-то навеки сломано.

– Меня сейчас стошнит, – сообщил Киллиан. Я чувствовала то же самое.

Киллиан положил щипцы вне зоны досягаемости демона.

– Когда демон очнется, он будет в состоянии драться?

– Он надёжно связан. Нам ничего не угрожает. – Оставалось надеяться на это. Зачесалось ухо, и я потерла его плечом. Мне не хотелось касаться своего тела руками, покрытыми демонической слизью. Вдруг это заразно? Некоторые демоны могут передавать людям свои способности, проклятия и прочие демонические штучки. Вот почему я так зациклилась на изменениях в себе после пришествия гигантского демона. И вот почему я упустила самое очевидное, бросающееся в глаза объяснение – кому, как не мне, следовало догадаться. Хотя, с моей точки зрения, Истребительница – это ничуть не лучше, чем демоническая инфекция. Вообще-то это практически то же самое.

– Ита-а-ак, – протянул Киллиан. – Когда ты собиралась признаться, что ты Истребительница?

Я вздрогнула, и он ухмыльнулся.

– Я так и знал. Ну, то есть десять минут назад это понял. Я думал об этом весь день, и твоя демонстрация силы это подтвердила. Это же здорово, да? Ведь вся ваша работа связана с Истребительницами. Теперь у тебя прибавится работы.

Поколебавшись немного, я выпалила:

– Можно, я расскажу тебе секрет?

– Это не считая того огромного количества секретов, которые вы на меня вывалили за последние сутки? Валяй.

Я понятия не имела, чего все теперь от меня ожидали. Что на самом деле означает быть Истребительницей среди Наблюдателей. Будут ли они многого от меня ожидать. Или не будут, потому что я – это я. Артемида расстроилась, мама злилась, Риз и большинство Наблюдателей были в растерянности. Но я понимала свои чувства.

– Я ненавижу Истребительниц. Я не хочу, чтобы они существовали, не говоря уж о том, чтобы быть одной из них.

К моему удивлению, Киллиан просто обнял меня. Хотя весь день разговоров только и было, что об Истребительницах, никто не поинтересовался, что чувствую по этому поводу я. Артемида хотела все исправить. Риз не мог в это поверить. Ева и Совет считали, что это здорово. Мама отрицала это. Но теперь я поняла, о чем я мечтала, в чем я нуждалась весь день:

Чтобы кто-нибудь просто поддержал меня.

На лице Киллиана было написано неподдельное участие:

– Ты многое потеряла, а это всегда оставляет отпечаток. Нет ничего плохого в том, что тебя посещают эти чувства. Я разрешаю тебе злиться.

Я фыркнула, и он похлопал меня по спине.

– Я рад, что у нас есть чем поделиться друг с другом. Ты поверяешь мне свой новый пугающий статус Истребительницы. Я делюсь с тобой демоном в моем сарае. Думаешь, он очнется?

Кожа демона была похожа на пересохшее русло реки: изборожденная трещинами и отслаивающимися чешуйками, из черных провалов между трещинами сочилась слизь. Я не знала, является ли это признаком болезни или, наоборот, нормой. Рога черные, как и ногти, и, как я подозревала, и зубы. В ушах – тонкие золотые обручи, на футболке Coldplay ярко сияет радуга.

– Не знаю. У нас полно книг про демонов, но все они посвящены тому, как призывать демонов, управлять ими или уничтожать. Нигде не говорится о том, как оказывать первую помощь.

– Ты старалась, как могла. Надеюсь, демон учтет это, когда придет в себя и сожрет нас.

– Большинство демонов не едят людей. Ну, или, во всяком случае, не полностью. Некоторые органы точно. Сердце. Иногда мозг. Или просто кровь. Есть целый подвид демонов, которые питаются человеческими зубами, отсюда и поверье о зубной фее. Конечно, они-то забирают зубы не из-под подушки. Они выдирают их из…

Меня прервал стрекот телефона в кармане. Вытащив его, я увидела, что звонили из замка. Упс! Кто-то заметил мое отсутствие. Я не ответила на звонок, мне не хотелось лгать.

– Мне пора идти. Нельзя, чтобы меня начали разыскивать, пока мы не выяснили, что за этим стоит. – Я помедлила. – Я не могу просить тебя хранить это в тайне от Риза, но…

Но Совет хранил тайны от меня. И теперь я чувствовала себя не в своей тарелке, как будто все отвернулись от меня. Впервые за все время, что я жила среди Наблюдателей, мне хотелось за что-то отвечать.

Я знала, что защищать демона – это абсурд. Но это был своего рода бунт против моего призвания Истребительницы. В последнее время я все время бунтую. Но все-таки я расскажу Артемиде. Она знает, что делать. Она может справиться с чем угодно.

– Напиши мне, если он придет в себя, – сказала я. – Я вернусь попозже и прикую его сильнее. А пока держись подальше от этого строения. Лучше спи в лавке.

Удостоверившись, что Киллиан в безопасности, я поспешила в замок. Бежала я быстро, но чувствовала себя заторможенной – слишком много вопросов и так мало ответов.

Ей пришлось потратить кучу времени, чтобы снова отыскать их. Их мать знала, что делает. Она исчезла. И речь шла не только об обычных средствах отслеживания: она применяла охранные заклинания и магическую защиту, чтобы их нельзя было найти с помощью магии. Но охотница запаслась терпением и информаторами. Однажды мать допустит ошибку, и тогда охотница сможет завершить свою работу.

Шанс представился примерно через год после той неудачи. Наблюдатели – заложники привычек, и даже будучи в бегах, мать отвечала, если член Совета просил о встрече. Охотница знала дату и время встречи.

Она стояла возле невзрачного дома в одном из районов Финикса. Все вокруг было бежевым: пейзаж, дома, ауры. Наименее магическое место, которое она когда-либо видела. Своего рода противоположность адских врат – мертвая зона для демонов. Уж лучше ад, чем Аризона.

Вероятно, поэтому мать и выбрала это место. Припав к земле, Охотница наблюдала за домом, чувствуя, как булыжник, которым был вымощен двор, источает дневной жар. В доме горел свет. Она выжидала, пока не заметила вспышку рыжих кудрей. Затем вторую. Они были внутри.

Вечер сменился ночью. Она представила повседневные дела, которыми они сейчас заняты в доме. Как они плещутся в ванне. Или девочки уже достаточно взрослые, чтобы принимать душ? Как они чистят зубы. Возможно, сказка на ночь, о том, как чудовище оказалось повержено, и на том сказке конец.

Но чудовища в реальной жизни не признавали сказочных концовок. Они просто появлялись снова, и снова, и снова. Их без конца нужно было побеждать.

В спальне погас свет. А затем, как и было условлено, мать вышла из дома. Она шла крадучись, настороже. Сев в машину, она отправилась на тайную встречу.

Матери следовало быть более осмотрительной.

Охотница сунула в рот жевательную резинку. Дома ее ожидала свежая кассета с фильмом «Титаник» – в награду за успешное выполнение задания.

«Я ни за что не сдамся, Джек», – прошептала она под нос и, сделав надрез на руке, начала приводить в действие руны, которые должны были раз и навсегда покончить с пророчеством.

Глава 7

ЗАМОК В НОЧИ УГРОЖАЮЩЕ НАВИС НАДО МНОЙ. Это не сказочный замок из сахарной ваты и мечтаний о том, как жили они долго и счастливо. Но это и не ощерившийся шипами замок из кошмаров, где клубится тьма. Это замок,

который служит станцией скорой помощи. Его задача – сохранить нас в живых. Вот и все.

Большинство окон – узкие бойницы, оставшиеся от эпохи луков и арбалетов. Справедливости ради, мы до сих пор пользуемся арбалетами. Несколько окон в жилом крыле расширили на скорую руку, и снаружи они походили на очки, не подходящие к форме лица. Единственная башня рухнула много поколений назад, так что все здание представляет собой приземистый прямоугольник. Внешняя стена исчезла вместе с пристройками, когда Руфь Забуто вместе с моей мамой перенесли сюда замок. Вместо них мы построили несколько простеньких сараев. Есть один большой гараж – его перестроили из заброшенной конюшни. Замок скрипучий, как Брэдфорд Смайт, и такой же неприятный, как Ванда Уиндэм-Прайс. И такой же изголодавшийся по магии, как Руфь Забуто.

И все-таки это дом.

Это означает, что в нем полно людей, с которыми я могла столкнуться. Я подозревала, что если бы нарвалась на членов Совета, я бы выложила им все как на духу. Основополагающий принцип сообщества Наблюдателей – Совет надо слушаться. Подчиняться его приказам. И менее явный, но более ожидаемый принцип – не стоит прятать демонов в сарае друга и молчать об этом.

Так что я не стала заходить через парадную дверь и вместо этого обошла замок в поисках своего окна. Оно расположено на третьем этаже. Весь второй этаж замка закрыт. Его заперли, когда перенесли замок сюда. В моем окне горел свет, словно маяк. Нужно было добраться до комнаты, рассказать Артемиде, что случилось, – она знает, что делать. У нее всегда есть план.

Я прикинула в уме. До окна примерно пятнадцать футов. Там широкий каменный выступ; стены толщиной в полтора фута, а окно утоплено вовнутрь.

Раз уж я теперь могла бегать с невероятной скоростью…

Я присела и прыгнула, выставив вверх руки. Мне удалось зацепиться за выступ кончиками пальцев. Я боялась, что сорвусь, но удержалась. Я подтянулась, смеясь, и, скорчившись, прижалась к стене возле окна.

Только теперь до меня дошло, что окно закрыто – и что открывается оно наружу, а не внутрь. Я получила силу Истребительницы, но это никак не улучшило мою способность детально продумывать планы заранее. Видимо, поэтому Баффи всегда сначала действует, а потом думает. Когда твое тело способно на удивительные вещи, велик соблазн сначала сделать, а потом пожалеть.

В окне появилось лицо, и я закричала, едва не сорвавшись вниз. Мой вопль отразился на лице Артемиды. Затем она нахмурилась и заорала:

– Какого черта! О чем ты только думала?

– Очевидно, что я не думала!

Она указала на оконные петли. Я загораживала их, мешая окну открыться.

– Секунду, – я отпрянула, стараясь не думать о том, что подо мной пустота. Камень над оконным проемом был довольно неровным, и мне удалось зацепиться за него пальцами. Я пролезла несколько футов вверх по стене над выступом.

– Готово, – сказала Артемида. Ее голос больше не заглушало стекло.

Отцепившись от стены, я спрыгнула и приземлилась на наш коврик.

– Ты забыла, что у нас есть дверь? – спросила она безо всякого удивления. – Да что с тобой такое? Ты могла пострадать!

– Но не пострадала же. У меня получилось.

– Потому что я была здесь и открыла окно! Что бы ты делала, если бы меня не было?

– Я бы…

Взмахом руки она перебила меня.

– Ты понятия не имеешь, что бы ты сделала. Потому что я всегда рядом. Ты не можешь вести себя так, будто теперь все по-другому. Это не так.

Наши взгляды встретились.

– Но это так. Все изменилось.

– Ничего не изменилось! Все неизменно. Если ты продолжишь притворяться супергероем, ты пострадаешь. Ты же сама всегда говорила, что насилие – это не дар и даже не средство – это отговорка. Что Истребительницы настолько озабочены тем, чтобы убить, что никогда не думают, что можно действовать как-то по-другому, как будто с демонами можно просто побеседовать или что-то в этом роде.

– Я никогда не…

Она снова меня перебила.

– А эти твои вечные рассуждения о том, что мы должны быть разумными и осторожными. Что мы должны ставить во главу угла другие решения, как будто мои боевые тренировки – это что-то постыдное. Но вот у тебя появляется сила – и все эти разговоры вылетают в окно, как и ты сама!

Ее слова ранили меня.

– Строго говоря, я запрыгнула в окно, а не выпрыгнула из него.

Шутка ее не насмешила.

– Ты разве не понимаешь, Нина? Ты никогда не проходила обучение. Ты словно заряженное ружье в руках ребенка. Опасна для всех и в первую очередь для себя. Тебе следовало убежать от адской гончей, а не нападать на нее. Как я должна защищать тебя от тебя самой?

Мое намерение рассказать Артемиде о демоне улетучилось. Как только эта проблема возникла, я хотела сразу прибежать к сестре и вывалить все на нее. Но теперь мне не хотелось доказывать ее правоту. Я так долго зависела от нее.

Но действительно ли я в ней нуждалась или же это была сила привычки?

Кроме того, она точно подумала бы, что я идиотка, которая ждет, когда очнется демон, чтобы поговорить с ним, – точь-в-точь как она сказала. Я не могла рассчитывать на то, что она оставит демона в целости и сохранности до того, как мы получим информацию. Не теперь, когда она так старалась защитить меня.

И я промолчала. Еще несколько месяцев назад утаивать от нее секреты было бы немыслимо. Но после последних двух месяцев, когда я вынуждена была скрывать постоянный страх из-за изменений внутри меня, это казалось привычным.

Я расшнуровала кроссовки, пытаясь вести себя как ни в чем не бывало. Притворяясь, будто ее слова меня не задели.

– Я влезла через окно, потому что не хотела никого видеть. Если бы ты его не открыла, я бы спрыгнула и вернулась к парадному входу. Невелика беда.

– Почему ты вообще убежала? Я звонила тебе.

Слава богу, что это была она, а не кто-то другой.

– Я не могла прийти в себя после того, что мы услышали на Совете. И я не хотела мешаться в вашем потайном лазе, так что я выбралась наружу.

Слегка смягчившись, она откинула волосы, стянутые хвостом, на спину.

– Когда тебе в следующий раз захочется сбежать, предупреди меня. Я не знала, где ты. И когда я вернулась, под нашей дверью было вот это.

Артемида протянула мне записку на плотной кремовой бумаге. Она уже сломала печать, хотя на ней значилось мое имя. Кто-то элегантным почерком вывел следующее:

Нина.

Пожалуйста, будь в пять утра в тренировочном зале. В связи с определенными решениями Совета необходимо соблюдать секретность. Пока же постарайся выспаться и помни о силе своих снов.

Судя по четкому курсиву, писал кто-то в возрасте. Скорее всего, Брэдфорд Смайт. У него есть ответы. Начнем с того, что он знал, что я потенциальная Истребительница. И он, в отличие от моей матери, готов это обсуждать. Мне хотелось спросить Артемиду, почему она вскрыла записку, адресованную мне, но я решила не усугублять напряжение между нами. Вместо этого я постаралась разрядить обстановку.

– Как тебе «сила своих снов»? Глупейшее изречение. Оно правда способно кого-то воодушевить?

– Я подозреваю, что оно употреблено не в переносном смысле.

Артемида скрестила ноги на кровати, опершись на стену.

– Сны Истребительницы. Ну, знаешь, погружение в силу, которая объединяет весь род Истребительниц.

– Ага, точно. Сны Истребительницы.

Мой энтузиазм звучал столь наигранно, что Артемида сразу раскусила ложь. Ее глаза сузились. Я плюхнулась на кровать и закрыла лицо подушкой.

– Я не знаю, что это такое. Я не проходила углубленный курс изучения Истребительниц, знаешь ли.

Я изучала только основы. Может быть, моя мать беспокоилась, как бы учителя не распознали во мне потенциал. А может быть, беспокоилась, что я сама об этом узнаю.

Не будь я потенциальной Истребительницей, допустили ли бы меня до полноценной подготовки Наблюдателей, как Артемиду? Передо мной открылась бы другая жизнь. Та, где моя роль в сообществе Наблюдателей была важна. Та,

где меня допускали бы до совещаний Совета, где у меня было бы право голоса и влияние.

Но не будь я потенциальной Истребительницей, нас бы не отправили в укрытие, и мы могли погибнуть при взрыве, как другие.

Боже, даже ненависть превратилась в сложное чувство.

– Истребительниц очень важно изучать, – начала лекцию Артемида, не подозревая о моей внутренней борьбе. Она снова была мной недовольна. – Иногда они видят пророческие сны. Первая Истребительница передает через них информацию, и сны формируют связи между поколениями Истребительниц. У Руфи Забуто есть теория, что при наличии стольких Истребительниц есть вероятность установления прямых связей между ними – типа группового чата. Тебе нужно почитать об этом.

– Супер. Теперь у меня прибавилось домашней работы.

И эту домашнюю работу я делать не собиралась. Я вообще не хотела быть Истребительницей, не говоря уж о том, чтобы изучать теории на этот счет. К тому же эта кошмарная Баффи ни разу не появлялась в моих снах за эти два месяца. Вряд ли она заглянет в них теперь.

Не считая того, что раз я теперь знаю об этом, это становится возможным… Отлично. Еще один повод для беспокойства.

– Ты должна серьезно к этому отнестись, – сказала Артемида.

Я отбросила подушку.

– Ты же только что говорила, что ничего не изменилось и я не должна изображать из себя супергероя!

Артемида погасила лампу, и комнату окутала ночь, разделяя нас.

– Как знаешь. Делай что хочешь. Я не могу тебе помочь быть Истребительницей.

Это так непохоже на Артемиду. Она ни разу в жизни не говорила мне, что я могу делать что хочу. Она всегда говорила мне делать то, что, с ее точки зрения, было лучше для меня. Либо теперь ей стало все равно, что для меня лучше, либо она больше этого не знала. И злилась на меня за это. Я меньше всего на свете хотела быть Истребительницей. Разве она не понимала, насколько тяжело это было для меня?

Осознание того, что Баффи снова перевернула всю мою жизнь без моего на то согласия, ударило меня под дых.

Ведь если я стала Истребительницей, то в этом виновата Баффи. Я никогда не стала бы Истребительницей при старой схеме «одна за раз». Мой потенциал навечно остался бы нереализованным. И я никогда бы об этом не узнала. Как бы меня это ни бесило, так было бы лучше. Может, мама была права, что скрывала это.

Из-за Баффи я лишилась отца и в какой-то мере матери. Я не позволю ей разрушить мои отношения с Артемидой. Она всегда заботилась обо мне. Возможно, ей хотелось бы продолжать это делать.

А может быть, пришла моя очередь заботиться о ней.

Язык, на котором я говорила, был мне незнаком, и все же я знала, что приказала своим людям поджечь наконечники стрел, собрать детей в центре деревни и делать все возможное, чтобы задержать орду демонов, спускавшихся к нам.

Я не позволю тьме забрать мой народ.

Я сражалась в месиве из крови и стали, рубя и кроша все, что движется. Позади с яростными криками бились мои люди. Они гибли. Если мне удастся убить предводительницу орды, ее демоны рассеются. Нужно просто продержаться до этого момента.

В мою спину вонзились когти. Что-то ударило меня в лоб, глаза залила кровь. Я сражалась чисто инстинктивно, превратившись в машину смерти.

А затем я оказалась лицом к лицу с королевой. Она возвышалась надо мной – семь футов мускулов, когтей, панциря и смерти. От ее вопля у меня заложило уши, и мир превратился в безмолвную пульсирующую тайну. Я ослепла и оглохла. Но все еще была жива.

Ее ядовитые когти вонзились мне в бок, когда она подняла меня над головой. На это я и рассчитывала. Улыбнувшись, я воздела руки к небу, подавая сигнал. Туча огненных стрел вонзилась в меня, пропитанная горючим одежда мгновенно вспыхнула. Королева завизжала, пытаясь вытащить из меня когти, но я обхватила ее, даря смертельные огненные объятия.

Мой народ был в безопасности.

Мой народ был…

Все стало красным, затем черным, но рассеянным черным. Чернота сна. Чернота оконченной битвы и заслуженного отдыха.

Тысячи голосов слились в едином вздохе. Я улыбнулась. Я чувствовала все это. Боль, страх, гнев. А теперь я чувствовала гордость и спокойствие смерти.

Тьма ускользнула от меня. Она не моя. Пока не моя. Я каталась по полу, задыхаясь. Повсюду был дым. Я знала, что если открою глаза, то увижу столь темное и багровое пламя, что на него больно смотреть. Неестественный цвет, неестественное пламя. И я увижу, как мама тащит Артемиду.

Я не могла дышать. Меня разбудили крики, и я пришла в себя, обнаружив, что во сне намотала одеяло на голову. Кто-то тряс меня за плечо.

– Нина! – Одеяло сорвано с головы.

Рукой я держалась за бешено колотящееся сердце.

– Кто кричал?

Артемида, вздохнув, улеглась рядом со мной.

– Ты. Снова пожар?

Ответ ей не требовался.

– И кое-что новенькое. Давай больше не будем перед сном говорить об Истребительницах.

Но, как ни странно, первый сон, полный демонов, крови и смерти, не причинял боли. Я ощущала прилив энергии. Даже гордости. А затем случился пожар и все уничтожил – как обычно.

Артемида осталась, и я была ей за это благодарна. Она давно не спала со мной в одной кровати. Но даже когда мы ссоримся, ни с кем другим я не чувствую себя в такой безопасности. Она быстро заснула.

Я не хотела спать. Не теперь. Никогда.

Мое тело со мной не согласилось, и я соскользнула обратно в царство грез. Единственное, что мне снилось, – женщина, миниатюрная блондинка с косичками, которая сидела на краю крыши с видом на мост Золотые Ворота. Умиротворяющая сцена, но я чувствовала пульсирующее присутствие других рядом со мной. В отличие от тьмы, в которой девушка сражалась с ордой демонов, здесь было неспокойно. Мы все наблюдали и чувствовали одно и то же, заряжая друг друга бешенством.

Яростью. Направленной на нее.

Баффи вздохнула, ее плечи опустились.

– Мне жаль, – прошептала она.

Мне никогда не доводилось быть частью чего-то столь большого, столь мощного. Я растворилась в этом потоке. Поддалась. Мне этого хотелось. Ярость нарастала, неистовство, невидимое глазу, но слышимое, сгущалось вокруг нее. Мы были в гневе, нас было множество, и мы загудели.

И зазвенели.

Звенели.

Звенели.

Вздрогнув, я проснулась и схватила будильник. На часах было 4.50 утра. Я отключила сигнал.

Кто бы меня ни ждал, хорошо бы им иметь с собой кофе. И пончики. И щенка.

– Что такое? – спросила Артемида приглушенным подушкой голосом.

– У меня встреча с Брэдфордом Смайтом.

Мне хотелось остаться в постели, сделать вид, что ничего не изменилось, что ничего такого не происходило. Меня тревожила неопределенность будущего.

Но всю мою жизнь меня держали в неведении. Прежде чем я решу, что делать дальше, мне нужны ответы. И мне только что снился сон Истребительницы, а это значит, что как только я узнала об этой способности, я смогла ей воспользоваться. Что еще будет мне подвластно, когда я лучше узнаю себя?

– А-а, – Артемида посмотрела на часы и простонала. Каждое утро она просыпалась в 5.45. Мне невыносимо было лишать ее последних драгоценных минут сна.

– Я сейчас соберусь.

– Зачем?

Она непонимающе уставилась на меня.

– Я тоже пойду.

– А, хорошо. – До этого момента я и не осознавала, что не хотела идти с ней. Для меня это было в новинку. Я нервничала, но если бы она пошла со мной, стало бы хуже. Я волновалась, что она возьмет все на себя, а я ей позволю, потому что так

было легче.

Ее лицо застыло.

– Здорово. Я тебе не нужна.

– Я этого не говорила! Но тебе не обязательно идти. Это просто встреча. Я уверена, что ты обо всем узнаешь. Ты всегда все узнаешь.

– Разумеется, за исключением того, что ты потенциальная Истребительница.

– Это нечестно! Я тоже об этом не знала, хотя это напрямую касалось меня!

Артемида вздохнула и села. Злость на ее лице сменилась пониманием.

– Я знаю.

Стеснение в груди немного ослабло. Мы собирались говорить об этом. На самом деле говорить. Вчера я нуждалась в том, чтобы Киллиан меня обнял, теперь же мне необходимо было, чтобы Артемида меня выслушала.

– Как думаешь, кто будет на встрече? – спросила я, решив начать с малого.

– Очевидно, что они пытаются сохранить эту встречу в тайне от мамы. Иначе бы они позвали тебя в зал Совета в обычное время.

– Думаешь, мне стоит идти? Раз весь Совет против?

Наверное, в глубине души я надеялась, что она скажет нет. Что она разрешит мне не ходить.

Артемида потерла лоб, затем убрала волосы в хвост.

– Не то чтобы у тебя был выбор. Ты же Истребительница. Отмахнуться от этого не получится.

Было больно слышать это.

– Я знаю. Разумеется. Но оттого, что у меня нет выбора, это не становится менее тошнотворным.

Артемида подошла к шкафу и, повернувшись ко мне спиной, вытащила одежду. Она собиралась пойти на встречу, хотя я была против. Когда она снова заговорила, голос ее звучал мягко.

– Когда вообще у нас был выбор?

Я встала, собираясь подойти к ней, но она повернулась и бросила одежду на кровать, избегая моего взгляда.

– Я могу обучать тебя. Да и пока мы понятия не имеем, что скажут на встрече. Будем решать проблемы по мере их поступления.

– Спасибо.

Я действительно была ей благодарна – за то, что она снова на моей стороне, потому что она всегда была на моей стороне. В конце концов, именно она заставила Совет дать добро на организацию моего медпункта и выбила средства на его содержание. И даже когда ее не волнуют те вещи, которые волнуют меня, она все равно заботится обо мне. Я решила все-таки рассказать ей о демоне.

– Знаешь, сегодня ночью…

В дверь постучали.

– Артемида?

Это была наша мама. Мы тревожно переглянулись. Бросившись на кровать, я прикинулась спящей. Артемида тихонько открыла дверь.

– Да? – прошептала она.

– Прекрасно, что ты уже не спишь. Мне нужна твоя помощь в изучении периметра – нужно понять, откуда взялась адская гончая.

– Подожди секунду, я переоденусь.

Дверь захлопнулась. Мама никогда не заходила к нам в такое время. Я бы не удивилась, узнав, что адская гончая – всего лишь предлог, чтобы удостовериться, что я в комнате. На всякий случай я продолжила лежать с закрытыми глазами, пока Артемида, одевшись, не вышла. Я села, чувствуя раздражение. Я не заслуживаю даже беседы, не то что просьб о помощи, хотя именно я убила адскую гончую. Наша мать снова выбрала Артемиду. Несмотря на то, что я – Избранная.

А теперь я еще и опаздывала. Я бесшумно пробиралась по темным коридорам замка, надеясь избежать встречи с матерью. Тренировочный зал теперь находился в бывшем тронном зале. Еще одна комната, куда меня никогда не звали. Но я знала, где она находится.

Я прошмыгнула внутрь как раз вовремя – в лицо мне летел нож.

Глава 8

Я УСТАВИЛАСЬ НА НОЖ – ОН ТОРЧАЛ, все еще подрагивая, в двери, в том самом месте, где еще секунду назад находилась моя голова. Я растянулась спиной на полу. Мое тело знало, как увернуться от угрозы, пусть даже мозг не знал.

– В подобной ситуации, – голос Брэдфорда Смайта звучал так, будто он читал наизусть лекцию по геометрии, – тебе надлежит поймать нож. Таким образом ты избежишь ранения и получишь оружие, которым можно обороняться.

– Я буду помнить об этом, когда в следующий раз кто-нибудь швырнет мне в голову нож! – Я поднялась в гневе, а затем замерла. Потому что в тренировочном зале находился не только Брэдфорд «Доброе утро, а вот и нож» Смайт. Здесь была Ева Сильвера.

И Лео.

Я внезапно осознала – и это вызвало куда больше паники, чем нож, – что я отправилась сюда прямиком из постели. Мои волосы с одной стороны слежались, с другой – были всклокочены. На лице, скорее всего, остались следы от подушки. И одета я была во фланелевую рубашку на три размера больше… а пижамные шорты были настолько короткими, что казалось, будто их и вовсе нет. Мои безумные сны так затуманили разум, что я забыла переодеться в более подходящую для уклонения от ножей одежду. Которую для начала надо было позаимствовать у Артемиды. Но я рассчитывала на то, что на встрече мы будем разговаривать, и никто не станет покушаться на мою жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/uayt_kirsten/istrebitel-nica-vampirov

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити